

Юрий Михайлов

В ожидании августа

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ЮРИЙ МИХАЙЛОВ
В ожидании августа

«Автор»

2020

ЮРИЙ МИХАЙЛОВ

В ожидании августа / ЮРИЙ МИХАЙЛОВ — «Автор», 2020

В повести "В ожидании августа" автор обозначил водораздел, который поделил жизнь героев до августа 1991 г. и после, показал, как одни чиновники "победили" других и тем самым развалили могучую страну. В романе "Ты похож на астероид..." автор рассказывает о становлении семьи в новых, капиталистических условиях, когда ломается всё старое, а на замену, кроме власти денег и жажды наживы, ничего не предлагается. Повесть "Колесницу" около десяти лет читают в книге и в интернете, отзывы положительные. Автор - ровесник Победы, член Союза писателей России, лауреат национальной литературной премии "Писатель года" за 2012 г. Содержит нецензурную брань.

© ЮРИЙ МИХАЙЛОВ, 2020

© Автор, 2020

В ожидании августа

Глава-1.

Конец второго дня противостояния у здания на Краснопресненской набережной. Ночь – влажная и душная после дождя. Вместе с журналистами Сергей ходил возле мрачного исполина, отражающегося огнями в маслянистой воде Москва-реки. Машину, договорившись с водителем, оставил в переулке за американским посольством, работающим без остановок и перерывов по случаю падения советской власти.

Десятки встречающихся в темноте сквера и похожих на тени людей о чем-то говорили, жгли костры, ели хлеб с колбасой, пили водку, бегали проворные активисты, зазывая народ то на Садовое кольцо, чтобы перекрыть дорогу танкам, то к зданию на набережной, чтобы противостоять войскам спецназа, защитить штаб революции от штурма. Кричали: «Ре-во-лю-ци-я! – Слушали себя и снова кричали, – "Революция!" Походило на истерию.

Сергей до тошноты, до рвоты ощутил прилив тоски. Невероятных размеров, она наваливалась на него со всех сторон, входила в каждую клеточку мозга. Он незаметно отошел от журналистов, остановился у группы курящих и, не спеша, пьющих водку прямо из горлышка, мужиков, дождался, когда подойдет его очередь и, наконец, глотнул крепкого зелья. Потом еще и еще раз. Поперхнулся, сильно закашлялся.

– Что, с непривычки? Ни фига, привыкнешь! – Одобрительно похлопал его по спине тощий мужичок в очках, похожий на туриста-одиночку, шатающегося по северным просторам. Мужик сунул ему прикуренную сигарету в рот.

– Мы что сейчас делаем? – Спросил Сергей.

Турист заржал громко, запрокидывая голову и так рьяно мотая ею, что через сгнившие передние зубы во все стороны стали разлетаться куски хлеба и колбасы:

– Рассмешил! – Орал он. – Мы сейчас водку пьем! И нам пофигу, что будет потом. Видали чудака!? – Обратился он к соседям. – На баррикады пришел... Ха-ха-ха-ха... Один скорпион долбаёт другого, один катран дерет второго... А мы водку на халяву пьем, сир-ви-ладом закуываем, финским, из самых дорогих ресторанов припёрли...

– Кончай базлатъ, – строго сказал мужчина, одетый в профессиональную куртку охранника или егеря, хотя было жарко и все, шаг за шагом, отодвигались от костра. – Ты кто? – Спросил он Сергея.

– Корреспондент...

– Понятно, вопросы задавай трезвым, а не этим..., – и он посмотрел в сторону туриста.

– А где трезвые? – Парировал турист. – Вон у кустов складывают трезвых..., – и он опять заржал во все горло.

Сергей пошел по скверу, под темными деревьями оранжевыми точками светились горящие сигареты. Справа на тропинке стояла тяжелая, с чугунными ножками, скамейка. На ней спал мужчина, но Сергей всё-таки присел на свободный край импровизированной постели. Дыхание перехватило, ему не доставало воздуха, грудь сжало так, что он боялся пошевелиться. В какой-то момент показалось, что в сердце суют ученическую ручку с железным пером, раскаленным докрасна. Раздается шипение, кровь пузырится, мясо запекается по краям ранки от чудовищной температуры нагретого железа...

Он сидел, не шевелясь и уже не чувствуя боли, понимал: что-то произошло, но ему было все равно. Ощущал только одно: постепенно холодеют ноги и руки. Сердце переместилось под самое солнечное сплетение, где за счет движения диафрагмы Сергею легче дышалось. Он вдруг ясно осознал, что всем, кто находится вне зоны притяжения этого дома на Набережной, на все наплевать. Нет милиции, которая почему-то сама решила, что не будет вмешиваться в «политические разборки». Нет спецназа и других пятых-десятых внутренних войск, которые отве-

чают за сохранение порядка. Значит, въезд в столицу колонны невооружённых солдат на БТРах – спектакль, блеф, провокация, которая устроена кем-то специально?

Сергей со всей очевидностью вдруг понял, что столичная власть сдалась. Небольшая группа, видимо, рота-две солдат мотострелковой части, просто захлебнется в районе Садового кольца, дома на Набережной, высотки СЭВ. Или их просто растерзают. «Их-то за что предали?» – Подумал он. В это время к нему подошел водитель:

– Слава Богу, я вас нашел, – сказал он. – Пойдемте, машина рядом, удалось подогнать ближе...

Здание Кабинета Министров (Кабмин), куда они подъехали, оцеплено жидкой цепочкой военных, на въезде и выезде дорогу закрывали два БТРа. Сергей действовал механически: кому-то показывал удостоверение советника Премьера, потом прошел в вестибюль здания, долго стоял на площадке лифта, собираясь с мыслями: сначала рассказать об увиденном или сразу пройти в цокольное помещение, где располагался медпункт, чтобы дежурный врач осмотрел сердце. В то время он не знал, что такое скачки давления, «загрудина» с тупой болью, почему вдруг становится так холодно, что челюсти невозможно удержать от тряски... На лифте он поехал на премьеровский этаж.

В приемной кроме дежурного секретаря, видимо, отставного офицера КГБ, худого и будто прокаленного на огне, подтянутого и застегнутого на все пуговицы, стояли у окон и сидели в креслах люди. Сергей поздоровался, негромко спросил у дежурного о Премьере.

– А вас искал начальник охраны, завсекретариатом спрашивал, – так же тихо проговорил мужчина.

Сергей понял, что Премьера в здании нет. Он отыскал кабинет охраны из двух комнат, довольно просторных, с собственным туалетом и душем, со всеми видами правительственной связи. Стас, полковник «девятки» (9 управление КГБ, занимающееся охраной высшего руководства страны), пожал руку, спросил о доме на Набережной, о раскладе сил.

– Все плохо, Стас, – сказал Сергей. – Город бросили все. Если сегодня толпа пойдет на штурм Кабмина, защитить его некому. Люди на Набережной, в основном, выпившие, настроены агрессивно. С ними никто не общается, не работает. Испуг от ожидаемого и поэтому такого страшного поначалу штурма прошел. Ночь кончается, с рассветом приходят силы...

– Я соединю тебя с Премьером, ты ему все это расскажи. Только помни: два дня назад у него был кризис, давление за 220 скакнуло. Он еле живой...

– Я могу и сам ему позвонить, – сказал Сергей.

– Не сможешь, мои ребята отвечают на все звонки.

Стас набрал номер по обычной телефонной связи, поговорил с кем-то, видимо, из сотрудников, положил трубку на аппарат.

– Сейчас перезвонят, посиди, покури, Иваныч.

Было видно, как устал полковник: глаза красные, волосы всклокочены, рубашка несвежая. На столе стояла пепельница, забитая окурками. Курили несколько человек: рядом с дорожными фильтрами лежали окурки крепкой «Примы», папирос «Беломор-канал».

Зазвонил телефон первой правительственной связи. Стас поднял трубку, долго слушал собеседника на том конце провода, сказал:

– С ним хотел поговорить сам Премьер, – и протянул Сергею трубку.

– Сергей Иваныч, это супруга Евгения Павловича Евгения Иванна. Здравствуйте. Я прошу вас, поаккуратнее. Врачи диагностировали подозрение на инсульт. Слава Богу, удалось купировать болезнь, но нет вообще никакой гарантии. Вы понимаете всю сложность ситуации? Но он хотел с вами поговорить. Минуту, я передам трубку...

И вот, наконец, голос Премьера:

– Слушаю, Серёжа.

Раньше он не называл Сергея Ивановича по имени.

– Вы в курсе ситуации, оцениваете ее? – Спросил Сергей.

– Да.

– Надо детализировать?

– Думаю, нет...

– Тогда у меня два предложения. Первое: я приезжаю сейчас со съемочной группой, и мы записываем ваше обращение к народу. Вы единственный – и реальный, и легитимный – Премьер-министр СССР берете всю ответственность за происходящее в стране на себя, распускаете ГКЧП, заводите войска в казармы, говорите народу, что митинги заканчиваем, начинаем работать. Главное, чтобы народ в стране почувствовал, что есть власть, есть Премьер, тот человек, который работает, все видит, отвечает за все. Это, скорее, для регионов, не для столицы...

Пауза, длинная.

– Второе что, в отставку? – Не спросил, сказал Премьер.

– Да, вы говорите по телевидению и радио, мировым информагентствам, что отказываетесь от ГКЧП, собираете заседание Кабинета Министров СССР и объявляете о своей отставке. Но на этом же заседании вы, данным вам правом главы легитимного Кабмина, убираете из ГКЧП ваших министров: обороны, внутренних дел, председателя КГБ и до заседания Верховного Совета СССР, где вас утверждали, продолжаете исполнять обязанности Премьер – министра...

– Нет, Серёжа, – сказал он, – не смогу я так. Неприлично... Да и поздно уже. Береги себя. Извини...

Связь прервалась.

Глава-2.

Двое работников прокуратуры в штатском вошли в кабинет Сергея Ивановича. Сказали, что они следователи по особо важным делам, расследуют дело о ГКЧП. Формат встречи – предварительный: лучше до ареста всё рассказать и показать самому.

– Дашь показания?! Нам надо на Премьера. Будучи его советником в ранге министра, ты не мог не знать, что он замышляет. Тогда мы гарантируем тебе свободу, вернешься к семье...

– Первым начал разговор прокурор, маленького роста, с детскими ладошками и круглым безбровым лицом.

Молчание. Сергей Иванович испуган, но не на столько, чтобы биться в истерике, просить пощады, сдавать непонятно кого и, главное, непонятно, за что. Поэтому он молчит.

– Все просто, старик, ты крайний. Ты знаешь о Премьере всё, досконально. Ты выдал мировой прессе сообщение о безоговорочной поддержке ГКЧП Кабмином. Ты один заставил всех поверить, что ГКЧП – легитимен, что его решения поддержали все края, область, республики, в общем, вся страна. Заварил ты кашу круто, сядешь крупно... За измену родине можешь и под расстрел загреметь.

"Не прошло и трёх дней с ареста Премьера, – думал Сергей, – всё покатило к черту, к дьяволу. Господи, помоги мне. Что мне делать, как себя вести? Информация в правительственном ТАССе, звонки журналистов – всё это чушь собачья... За это не расстреливают и даже не судят. Что хотят от меня прокурорские следователи? Чтобы я сдал Премьера? Как я могу его сдать, не зная о ГКЧП. Я лишь одно знаю, что введение ЧП – стопроцентно правильное решение. И нисколько не жалею о том, что в оголтело – демократической газете напечатал переданный мне Премьером готовящийся проект Союзного Договора. После его принятия точно в две недели не стало бы СССР".

"Что это они там говорят, на кого я посягнул, кому изменил? – До Сергея долетают обрывки монологов то одного, то второго прокуроров, расположившихся возле его ушей, но чьи речи не прорывались до сознания. – Кто такой Валентин Борисович Мальцин? Ему я точно

не присягал. Ну и что, что он руководитель. Я тоже руководитель, и россиянин, и страну люблю не меньше его..."

– Ты реагировать-то будешь? – Громче обычного вдруг сказал маленький юркий прокурор, обдав Сергея кислым запахом перегара. Он все старался приладить полуоторванный рукав к плечу пиджака в крупную клетку, из-под которого просвечивала синяя служебная рубашка.

«Боже, как же надо нажраться, чтобы иметь такой перегар и такой бомжовый вид!» – Сергея буквально передернуло, но он вдруг вспомнил, что у него в холодильнике есть хорошие запасы к столу.

– Принести «Боржоми»? – Спросил он юрко, – это здесь, в комнате отдыха.

– Мы еще не заработали ни чай, ни «Боржоми», – сказал второй прокурор, крупный хохол, говорящий с жутким малороссийским акцентом, гнусава крупным носом, настолько пористым и красным, что он походил на елочную игрушку из папье-маше.

– Хорошо, поручите мне сделать это в порядке исключения, – сказал Сергей, – ведь вы все-таки в моем кабинете находитесь, значит, являетесь моими гостями.

Он встал, сделал несколько шагов, и, выждав паузу и не услышав окрика, пошёл к двери, расположенной сзади письменного стола, в углу огромного, с малое футбольное поле, кабинета. Прокуроры, видимо, опешили от такой наглости, сидели, молчали, смотрели на него. Сергей демонстративно открыл дверь комнаты отдыха настежь, зашел туда и тут же громко хлопнул дверцей холодильника. Через минуту он вернулся с «Боржоми» и почти полной бутылкой армянского коньяка 10-летней выдержки. За лимоном он решил сходить позже, во второй заход.

Разлил коньяк по стаканам, пододвинул их к краю стола, где лежали руки прокуроров, проговорил:

– За Отчизну, за народ, за право его выбора, – и, не чокаясь, медленно поднес стакан к губам. Пил вкусно, глоточками, смакуя прекрасный коричневый напиток. Поставил стакан на стол, посмотрел на прокуроров.

– Вам привет из Армении, прекрасный коньяк, грех не пригубить по глоточку...

Задуманную фразу Сергей не успел закончить. Прокуроры одновременно взяли свои стаканы и залпом осушили их. «Ну, вот и славно, – сказал сам себе хозяин кабинета, – сейчас дело пойдет веселее».

– Я мигом, лимон забыл. А вы пока пейте «Боржоми», хотя, конечно, жалко такой коньяк разбавлять водой.

Сергей Иванович снова прошел в комнату отдыха, достал из холодильника приготовленные в буфете бутерброды с колбасой, настоящей, копченой, свиной, лимон, порезанный на блюде тонкими ломтиками и плотно завернутый в целлофан, вторую бутылку, правда, уже ординарного коньяка «три звездочки», и со всем этим хозяйством вернулся к столу. Там было заметное оживление: прокуроры о чем-то тихо, но, энергично жестикулируя, разговаривали. Он услышал последнюю фразу хохла: «Наикраше прохфилактика – це турма»

Сердце Сергея сжалось, а в голову вдруг полезли дурацкие стишата: «За измену родине – пиф-паф, ой-ёй-ёй, умирает зайчик мой!.. А дети, мои родные, им-то, за что все это? Как им-то объяснишь-расскажешь, что демократическая диктатура – еще гнуснее пролетарской. А, гори все...»

– Мужики, предлагаю тост за вас, за ваши семьи, детей ваших. Здоровья им, счастья! За спокойствие в стране. За наш великий и могучий СССР!

Он быстро разлил по стаканам остатки старого коньяка, поднял свою долю высоко над головой и задержал движение руки, медля и раздумывая, чокается с ними или не стоит дразнить гусей. Хохол первым протянул свой стакан, смачно выругался, грохнул посудиною по стаканам Сергея и своего напарника и залпом выпил божественный напиток. Он разорвал целло-

фан, выхватил тонкий ломтик лимона, который казался в его мясистых пальцах трепещущей оптической линзой, и протянул хозяину кабинета. Сергей буквально подавился напитком, еле сумел допить коньяк, поставил стакан на стол и подставил свою ладонь под лимон. Прокурор ловко свалил на ладонь прозрачный кусочек с желтой корочкой, облизал пальцы огромным синеватым языком и достал сразу два бутерброда с сырокопченой колбасой.

– Отдохнете здесь, на маленьком диване, или в комнате отдыха? – Спросил Сергей хохла, крепко стоявшего на ногах.

Прокурор махнул рукой на открытую дверь запасной комнаты:

– Побудка через три часа. Далеко не уходи. На звонки не отвечай. С нами тебе безопаснее...

Сергей налил ему еще полстакана водки из последней бутылки «Столичной», которую пришлось доставать из холодильника после выпитых двух бутылок коньяка, положил рядом последний бутерброд с колбасой и пошел в комнату отдыха. Достал белье, разорвав упаковки, постелил на разобранный диван два комплекта простыней, разложил подушки, одеяла не стал засовывать в пододеяльник, набросил их на постель сверху. Вернулся в кабинет, увидел, как большой прокурор пытается разбудить маленького, юркого, который уснул, сидя в приставном кресле, положив голову на край письменного стола.

Сергей помог хохлу поднять бездыханное тело, они дотащили прокурора до дивана и буквально бросили на постель. Укрывать одеялом не стали. Хохол взглянул на советника Премьера трезвыми глазами, спросил:

– Тебе есть куда залечь?

– Бежать, – сказал, не спросил Сергей, пожал плечами. – Наверное, да, к родственникам.

– Це – дурь... Надо залечь, чтоб не могли найти несколько дней. Вся кровь в революциях случается в первую неделю. Во французскую, в русскую... Так что, думай. Прибери-ка здесь всё, бумаги, то да сё... А водку принеси сюда, посижу пока, покурю, потом сосну час-другой. У нас революция, ненормированный рабочий день.

Сергей Иванович вдруг абсолютно ясно осознал, что хохол говорит на чистом русском языке, что глаза его трезвы и что спать он собрался только из-за солидарности с маленьким прокурором. Он занес в комнату отдыха бутылку «Столичной» водки, пустой стакан.

– А с пропуском как? – спросил Сергей. – На входе милиция с автоматами...

– Я подпишу тебе пропуск на выход из здания и вход на три дня. Мы тебя пока не будем трогать. Вечером мы уйдем в гостиницу, нас уже поселили в составе прикрепленных к прокурорской бригаде. – Хохол говорил медленно, абсолютно трезвым голосом. – Пока мы отдыхаем – займись бумагами, кое-что я бы уничтожил... Сам знаешь. А потом решай, что тебе надо делать... Понял меня? Арестовывать тебя будем не мы. Абвгдейка...

И заржал, довольный своей шуткой, при этом нос его трясся как спелая груша, готовая от любого порывом ветра оторваться от ветки.

Вот и всё. Закончился спектакль. Сменилась власть. На сцену вышли скоморохи. Сергей, стоя у огромных размеров окна, наполовину закрытого белыми ниспадающими шёлковыми занавесями, смотрел на изумительной красоты здание филиала МХАТа и думал о двух своих мальчишках. Он знал, что если его арестуют, они не пропадут с женой, на крайний случай, в ближайшие день-два, уедут к бабушке в поселок. Деньги пока есть, на полгода им хватит. «Может, и мне, бросив все, уехать с ними? Хохол, не скрывая, говорил об этом шаге... – Мелькнула мысль, заставившая Сергея Ивановича вздрогнуть. – Нет, – гнал он её, – нехорошо, неприлично так себя вести...»

А грудь прихватывало всё сильнее. За эти дни ему ни разу не удалось забыть о сердце: оно сжималось и ныло даже во сне. "Надо зайти в медпунк... Надо! На-до!"

Сердце будто услышало его внутренний голос, стало подкатываться к горлу...

Глава-3.

По мере движения «Скорой помощи» к больнице, доктор, сидящий рядом с носилками Сергея Ивановича, все больше заводился, гассируя так, что закладывало уши. Он уже стал кричать о безответственности пациентов, хамском отношении к своему здоровью, о морге, в котором с удовольствием примут такого к..., как его нынешний больной.

– Где вы почувствовали боль... вперррвые? – Спросил доктор.

– У дома на Краснопресненской набережной, ночью, двадцатого августа...

– Лежите-молчите!

– Но вы же спрашиваете.

– Я пррроверряю ваше состояние, чтобы вы не заснули.

Длинная пауза, молчание длится уже неприлично долго. Сергей не выдержал, наклонил голову набок, спросил доктора:

– Что, серьезно, инфаркт?

– Уверррен! Но анализы покажут... Стрррашно, что на ногах. Вам сколько лет?

– Сорок...

– Самый тот возррраст. Ломаетесь быстррро, адаптации никакой... Я знал старрриков, членов пррравительства, которррые наблюдались по поводу рррака 15-17 лет... И хоть бы что. А на днях один член пррравительства умеррр у меня в палате. В палате! Ему было чуть за 50... Вот так!

– Бог даст, – Сергей про себя закончил фразу, – обойдётся.

– На бога надейся, – подытожил доктор. – Подъезжаем. Сейчас все по пррравилам. Дежурррные санитаррры вас на носилках доставят в ррреанимацию. Тихо, ни слова, только слушайте и молчите! Вы пациент, мы – врррачи! Вы в больнице. Мы вас любим, но и все на этом.

Машина сходу вскочила на широкий пандус, почти въехала в больничный корпус. Открылись задние двери «Скорой», доктор проверил капельницу, двое молодых ребят, видимо, студенты-практиканты, ловко и аккуратно вытащили Сергея Ивановича из машины, почти бегом повезли внутрь здания. В вестибюле-палате приемного покоя, огромных размеров комнате, отделанной мрамором, они подвезли его к столу и уставились на дежурного доктора.

– Отдыхайте, – сказал тот, не поднимая головы от бумаг. – Так, я понял: на пациента у нас никаких документов нет.... Где вы были на стационаре последний раз? Понял, в ЦКБ. Запрос придет через день, а то и два...

В это время в комнату вошёл доктор, привезший Сергея Ивановича.

– Ладно, Сань, потом офорррим его, – сказал гассирующий доктор. – На четверрртый этаж больного. И по полной прррогрррамме! Я поднимусь следом.

Остановились у двойных дверей палаты. Студенты ждали реаниматолога и медсестру, которые, оповещенные звонком снизу, не торопясь, шли от дежурного пульта.

Студенты осторожно въехали в палату, перетащили Сергея на кровать. Подошедшая медсестра стала быстро снимать с него одежду: костюм – раз и нету, рубашку и майку сняла аккуратно, легко, поднимая руки больного по очереди, трусы он попытался снять сам. Не тут–то было...

– Лежите тихо, – сказала медсестра, – не мешайте мне...

– Учитесь эскулапы, – сказал реаниматолог студентам, молча наблюдавшим за медсестрой. – Сейчас поставим капельницу, возьмем анализы и все такое...

– Это реанимация? – спросил Сергей.

– Да. Приказано вас поместить сюда. В холле будет находиться дежурный, чтобы к вам никто не забрел случайно. Этот отсек полностью изолирован...

Врач сам поставил капельницу, подключил все приборы, экран, как в телевизоре, засветел, повздыхал и стал тихо попискивать.

– Пока все, – сказал врач, – в туалет и т.п. – нажатием этой кнопки. Придут, поставят утку... И без стеснений, церемоний. Дело больничное, дело обычное... Ничего не пытайтесь делать сам, уроните капельницу – беда...

Доктор полуобнял медсестру за плечи, и вместе со студентами они пошли к выходу. Сергей склонил голову к окну, белые шелковые занавески закрывали треть его размера, видно было только яркое голубое небо и часть зеленой кроны какого-то дерева, стоящего на улице. Слезы сначала душили его, прорываясь сквозь сопротивление, а потом, когда он перестал сдерживать мышцы лица, потекли свободно, нос задышал ровно. Сергей ничего не мог с собой поделать, лежал, повернув голову к окну, и плакал...

Прошло время, прежде чем Сергей научился не замечать процедурную медсестру с тонкой и длинной иглой, которая каждые четыре часа, днем ли, ночью ли, приходила к нему с уколом. Она сама открывала одеяло, тихонько переворачивала больного на спину и делала укол в живот, который стал уже синим в районе пупка и с желтыми разводами по бокам.

Сергей смирился со всеми сложностями жизни тяжёлого больного, научился пользоваться уткой и глицериновыми свечами, переносным телевизором без программ, только с использованием кассет с фильмами, передвижной тумбочкой с журналами двухлетней давности. Сначала он возмущался, говорил, что задыхается без информации, что это не только его работа, но и жизнь. «И смерррть, – сказал доктор, с которым он, наконец, познакомился поближе и которого звали Юрий Евсеевич. – Вам не надо знать, что на улице творррится. Это не для вашего давления. Мы не можем его стабилизиррровать... Поэтому вы до сих поррр в ррреанимации»

Лукавил доктор: они прятали его от посторонних глаз. Вот только, кто давал команду?

Сергей услышал какие-то голоса, потом шаги нескольких человек, явно приближающихся к его палате. Поворот ключа в замочной скважине, в предбанник кто-то входит, но пока к больному не идет, стоит, видимо, дожидаясь то ли старшего, либо пока соберется вся группа. Сергей закладывает руки за голову, прикрывает веки, старается выровнять дыхание.

– Кажется, спит...

– Пора, пора будить! – негромко, но властно произносит какой-то дребезжащий голос.

Сергей открывает глаза, видит, что в палате стоят три человек: двое в белых халатах, третий – в халате, наброшенном на плечи. Юрия Евсеевича с ними нет.

– Как вы себя чувствуете? – спрашивает, видимо, врач, но чужой, не с кардиологии. Здесь не так разговаривают с больными после инфаркта, в лоб о здоровье не спрашивают.

– Хорошо, – отвечает Сергей.

– Это похвально... Похвально.

Пауза. Она становится длинной, все трое переминаются с ноги на ногу. Один, тоже, похоже, врач, говорит:

– Давайте присядем, стульев хватит на всех...

Человек в накинутом на плечи халате говорит:

– Вы знаете, что вашего начальника арестовали? – Больной кивнул. – Инкриминируется измена Родине... Вы понимаете, Сергей Иванович, как все непросто складывается? В том числе и для вас?

– Что я должен понимать? Если я не видел Премьера с 15 августа, что я должен понимать?

– Вы, почему не доложили, кому надо, о сходке гекачепистов!? Почему не насыпали песок в двигатель ЗИЛа начальника? Почему?! – Голос гражданского человека, сопровождаемого врачами, крепчал. – Вы влияли на него, как никто из окружения. Он слушал вас, как политика, идеолога, наконец...

Гость вскочил со стула, лицо покраснелось, глаза косили и казались безумными. Он почти визжал:

– Зарыть всех вас надо! Уроды! Против народа поперли... Головы вам всем поразбивать надо, как бешеным собакам... И мы это сделаем!

– Я это уже слышал, – тихо сказал Сергей, – это из выступления премьера одной из союзных республик... А вы знаете, что он собирался в Японию, чтобы сдать все Курильские острова? Лишь бы заручится международной поддержкой... Как бы вы с его головой поступили?

– Да, я... Да мы щас тя в "Матросскую тишину"... К твоим корешам! Ты будешь помнить меня... Я полномочный представитель этого премьера... Мы те устроим небо в клеточку!

– Ми-ну-точ-ку... Минуту!! – Вдруг резко сказал доктор – не кардиолог. – Больному плохо... Резко пошло давление... Черт, кто отключил капельницу? Где весь медперсонал?!

– Вы же сами сказали, чтобы нас никто не сопровождал, – быстро произнес второй доктор. Он дотянулся до тревожной кнопки сигнализации у кровати больного, долго жал на нее, тихо чертыхаясь. Топот ног по коридору Сергей услышал так четко, как будто его уши приложили к полу. Потом топот перешёл в удары по ушным перепонкам, и он закрыл глаза.

– Надо носить готовый шприц, твою мать! – Заорал доктор, насилувавший тревожную кнопку. – Дайте-ка сюда, я сам все сделаю!

Сергей почувствовал укол не кожей, а почему-то самим сердцем, которое вдруг затихло, перестало сообщаться с ушными перепонками, молоточки больше не били в колокола, встроженные в уши...

... Что было потом, для Сергея – неизвестность. Он не знал, был ли он без памяти, сколько прошло часов или минут, и что за окнами – утро или вечер. Но за окнами – светло, была та же больничная палата, а рядом с кроватью сидела медсестра, которая чаще других приходила делать укол в живот.

– Лежите и молчите, – сказала она, увидев, что Сергей открыл глаза. – Вам было плохо, очень... Пришлось поволноваться.

И без перехода, но тише на полтона:

– За вами приходили с арестом... В коридоре стоял наряд в штатской одежде, на улице – зарешеченный микроавтобус. – Она уставилась в окно, потом перевела взгляд на двери, на Сергея не смотрела. – Вам, наверное, что-то надо предпринять... Кому позвонить? Скажите номер телефона. Я все сделаю, прямо сейчас. Но вас должны забрать отсюда немедленно. Иначе будет поздно...

Сергей заметался: он не знал, кому, кроме жены, позвонить. Кто может, бросив все, сразу приехать к нему в больницу? Дачные соседи? Исключено, там семья... И вдруг в мозгу всплыла фамилия Афанасьева Ивана Васильевича. «Да, только Иван Васильевич может понять эту ситуацию, – подумал Сергей. – Пусть не поможет, посоветует, что делать и то хорошо». И он назвал хорошо запомнившийся когда-то номер домашнего телефона лётчика в отставке, но такого живого, бодрого, сильного и независимого. Они дружат больше двадцати лет. Медсестра встала, подошла к краю кровати, прошептала:

– В ящике, у ванной, одежда, в которой вас привезли... Не забудьте документы, я выложила их на полку. Я буду дежурить у пульта весь день. Юрий Евсеевич на этаже, он поможет с выходом. Он верит вам, я верю ему... Как зовут, кому звонить?

– Иван Васильевич...

– Подходим, – сказал Иван Васильевич. – Спокойно. Ты помалкивай. Если охрана спросит, я буду говорить. На минуту, кое-что в машине надо забрать...

У проходной стоял человек в помятой форме, отвечал за выходящих. Он равнодушно посмотрел на двоих мужчин, нажал какую-то кнопку и турникет у дверей закрутился, готовый выпустить сколько угодно людей. Двери, еще одни двери. Еще один мужик в форме. Он даже не посмотрел на выходящих, так и продолжал писать шариковой ручкой какое-то слово на клеточках кроссворда.

Афанасьев прошел к машине, стоящей в двадцати метрах от проходной, Сергей проследовал за ним. Сердце его забилось, спокойствие куда-то ушло, грудь стало пощипывать, дыхание затруднилось, особенно на вдохе. «Господи, помоги, не дай мне расслабиться, потерять силы...» – Заговорил он про себя. Подошел к машине, чистой и опрятной «Волге», открыл заднюю правую дверцу и влез внутрь. Иван Васильевич тут же сел на сиденье с водителем и сказал:

– Вперед. Можем ехать. И чем быстрее, тем больше сверх тарифа...

– Понял, – сказал водитель, – поехали.

Через 10 секунд «Волга» набрала скорость не меньше 70 километров в час. Это был рывок, потом поворот направо, снова поворот направо, и они уже оказались на скоростном шоссе. 90..., 100 км в час! Их уже невозможно было догнать.

– На площадь «Три вокзала», – почти небрежно бросил лётчик водителю. – Отдохни пока, про спрей не забывай, – и он оглянулся на Сергея.

– Все нормально... Вы закончили книгу?

– Не успел. Был снова занят... Кстати, ты и посмотришь профессионально... Я буду рад, если ты сможешь, добыешь ее, проклятушую... Как она мне надоела, все жилы вымотала.

– Хорошо, это мне в удовольствие...

– Все-все, отдыхай, я молчу...

Машина развернулась под мостом у Москвы – реки, пошла в обратную сторону. Проскочили набережную, стену Кремля, далее на мост через Язу, Солянка, Политехнический музей, Маросейка, Басманные улицы... Выскочили у Казанского вокзала.

– Стоим, – сказал Иван Васильевич и достал деньги. Отсчитал сумму, ровно в два раза большую той, которую показывал счетчик, вручил водителю. – Есть удовлетворение?

– Спрашиваете!

– Ну и хорошо. Желаю удачи. Прощайте, молодой человек. Выходим? – Повернулся он снова к Сергею.

Вышли, закрыли дверцы машины, пошли по направлению к вокзалу. Перед входом встали, лётчик прикурил трубку, сказал:

– Посмотри, ушло такси?

– Да, отъехало сразу, как мы вышли...

– Отлично, теперь, не спеша, переходим к Ярославскому вокзалу.

– Ну, конспиратор, Иван Васильевич...

– Школа, юноша. Берия научил! Сей горький опыт не пропьешь. Хорошо, что ты сумку не забыл прихватить. Я и не вспомнил о ней. Сейчас мы поедem до Прошкино, электричкой.

– Я знаю Прошкино, с сыновьями ездил в их музей авиации.

– Вот-вот, туда и направляемся. Там у меня друг служит и живёт... Познакомлю, рад он нам будет.

– А Вы с ним говорили?

– А конспирация, прослушки... Не нарцисс, не завянет от неожиданных гостей... Это мой самый старинный, самый лучший друг. Маршал авиации, правда, на заслуженном отдыхе. И гарнизон у него закрытый. Хрен, кого пустят, если сунутся.

Так за разговорами они дошли до Ярославского вокзала, купили билеты в кассе, на табло узнали, что на Прошкино электричка отправится через семь минут.

– Надо быстро, Серёжа, – заторопился лётчик, – давай, наконец, перейдем на «ты» и по имени, а?

– Давайте, только я буду долго привыкать, а вы сразу и бесповоротно, Сергей.

Они уселись на скамейку вагона в середине состава, у окна. Иван Васильевич открыл сумку, покопался в газетных кульках, достал бутылку минеральной воды, два раздвижных стаканчика рыболова-спортсмена, все передал в руки соседа и еще долго рылся в сумке пока не нашел бутылку коньяка.

– Мы понемногу, за удачу... Вот еще жена успела несколько бутербродов сунуть, пригодились...

Электричка дернулась, застыла, выслушала начальные слова объявления о том, как она поедет, и поехала. Голос из радиорубки еще пытался что-то донести до пассажиров, а колеса уже стучали на стыках, промелькнули слова, выложенные на насыпи из цветов: «Счастливого пути!», склады станции «Москва-3», яркая зелень парка Сокольники и маленькая знаменитая на всю страну речка Яуза. Сергей и Иван Васильевич заедали первую стопку коньяка бутербродами из подкопченного коровьего языка.

– Я с таким интересом читал главы из вашей книги, – сказал Сергей. – Господи, какое время... Первооткрыватели, Арктика, мужественные люди. Что-то от Джека Лондона, Хемингуэя. Но мне постоянно было жалко ушедшее время, романтику... Давайте выпьем еще немного, я, похоже, на нервной почве совсем ослаб, захмелел.

– Сейчас пройдет... Прелесть в первой рюмке. Сиди и наслаждайся, чувствуй, как согревается душа, как хочется куда-то поехать, позвонить любимому человеку, немножко погрузиться. Потом можно уже и не пить... Я не буду спрашивать тебя ни о чем. За глупость своих начальников мы не должны отвечать. Но, в целом, твой начальник все делал правильно. Думаю, что страну мы уже не удержим... Это печально. А раз так, значит, надо отступить, переждать... Как твое сердце?

– Врачи пытаются убедить меня, что это все серьезно. Боль в груди, слабость – все это есть. Но вчера вдруг ко мне приходят с арестом... Врачи явно на моей стороне: отключили меня уколom, я проспал, наверное, больше суток.

– Все, больше ни слова. Отдыхай! Что тебе рассказать?

– Об Арктике, покорении Северного полюса...

– Я умру от рака...

– ?!

– Мне цыганка нагадала... Но не сейчас. Сейчас мы выпьем и поговорим.

Они сделали по глотку коньяка, закусили, стаканчики поставили на лавку между окном и коленом. Иван Васильевич достал трубку, зажал ее зубами, не разжигая, шумно втянул воздух.

– Как удивительна жизнь!.. Как удивительна..., – сказал он.

– И все свершилось ровно в одну вашу жизнь. От покорения Северного полюса до обыденной работы в космосе. А почему вы не стали Героем Советского Союза?

– О, это отдельная история..., как-нибудь в другой раз расскажу... Но здесь замешаны вождь народов и женщина. А наши чиновники – дуболомы – перестраховщики так перепугались, что вообще навсегда выкинули меня из всех списков награждаемых.

Остановились на перроне какой-то станции прямо напротив трех милиционеров, которые, не спеша, пошли к дверям вагона.

Иван Васильевич зашептал:

– Если что, ты молчишь, в разговор не встречаешь. Вообще, лучше усни, спокойно и безмятежно. Мы родственники, едем в музей авиации. Я покажу удостоверение Почётного Полярника...

Милиционеры шли медленно по проходу, электричка была послеобеденной, полупустой. На скамейке Сергея и полярника вообще никого не было. Так, подошли, старший – офицер, лейтенант, смотрит на Ивана Васильевича, тот оказался первым в поле зрения. Полярник наклонил голову к Сергею, что-то рассказывает ему про баньку на Северном полюсе, про спирт, который они хранили десятками литров и применяли от обледенения самолетов. А Сергей забыл, что ему надо спать, слушал, смеялся, и все это получалось естественно. Главное же, и он это почувствовал сразу, у него не сбивалось дыхание, не кололо в груди. «Что это? – Думал он. – Сердце успокоилось, все пришло в норму? Или так хорошо и спокойно с Иваном Васильевичем, что я не волнуюсь?».

Лейтенант чуточку развернулся, посмотрел на Сергея, тому показалось даже, что он кивнул ему, но подозрительности в его глазах не было. Милиционер отвел глаза, пошел дальше по проходу, сержанты из патруля побрели за ним, даже не взглянув на двоих чудачков, которые держали в руках раскладные стаканчики рыболовов – спортсменов, забыв наполнить их коньяком.

Глава-5.

– Я человек академический, матом почти не ругаюсь, за десяток лет преподавательской работы стал мягче, разумнее, может, даже интеллигентнее. – Красивым баритоном говорил Георгий Александрович, высокий суховатый на вид мужчина, лет восьмидесяти, элегантно, словно римский патриций, завернутый в простыню. Он сидел с прямой спиной, как это нередко делают люди, долгие годы продержавшие в руках штурвал самолета. Кисти рук, сцепленные в слабый замок, покоились на деревянном отполированном столе с приставленными к нему тяжелыми табуретками. Во всю величину столовой доски стояли, «скромно, чем Бог послал»: нефiltroванное пиво в жбане, водка, недопитая бутылка коньяка, простые деревенские стограммовые стопки, миски с креветками и бордово-красными раками, пучками и кучками разместились укроп, разовая редиска и пупырчатые огурчики. На деревянном резном подносе, в самом центре стола, возлежали штук пять крупных копченых лещей, настолько свежих, что с них капал жир.

Напротив патриция сидел Сергей Иванович, тоже завернутый в простыню, мокрый и красный, поскольку только что вышел из парилки. Иван Васильевич, третий участник застолья, бывший полярный лётчик, еще парился за плотно закрытой дверью.

– Отличная у Вас баня, настоящая, русская... Я не очень люблю финские, хотя мне приходилось часто париться именно в саунах, – сказал Сергей. – Я работал в молодежной газете, вместе с делегацией поехал на празднование дней Северного колота в Рованниеме. Конечно, нас повели в настоящую финскую баню. Парились, плавали в ледяной воде бассейна. Потом уселись за несколько столиков, легких, пластмассовых, стоящих прямо у воды. Естественно голые, даже простыни не брали, потому что были молоды, потому что собирались попить немного пивка или клюквенного морса, снова искупаться и в парилку, где нас ждали русские березовые веники. Мы их заказали заранее, зная, что финны вообще игнорируют любой веник.

За крайним столиком разместился Паша Хилтунен, металлург – комсомолец из Канда-лакши, косая сажень в плечах, под два метра ростом. И хотя он финн наполовину, рост у него – явно русский...

Обычно пиво приносили двое ребят-официантов. А тут двери распахнулись, и в вестибюль вошли четыре молодые женщины, на них – только мини-бикини.

Мы умерли... Советские люди, комсомольцы... Сами понимаете наше состояние. Мертвая пауза длилась секунды... Потом – рёв Паши, который вместе со столиком летит в бассейн. Стоит в воде, пытается прикрыть свое хозяйство не тонущей пластмассой. Девушки, не обращая на него внимания, расставили на столиках длинные стаканы, бутылки, разложили легкие

бутерброды, сложили подносы на кафельную стойку и пошли в парилку. Мы умерли второй раз. Что делать? Заканчивать париться? На выход? Или подождать, пока те выйдут? Решили следом за Павлом залезть в бассейн. А вода ледяная...

– Так, вылезаем и в парилку, – слышим голос нашего гида, стоящего в дверях бассейна. – Здесь парилка совместная. Но ведите себя по-джентльменски, парни...

Рассказчик сделал паузу, неожиданно коротко закончил рассказ:

– Ничего, выдержали... Но экзамен на внимательность не сдали: гид тоже чуть позже зашел в парилку, но, в отличие от нас, в плавках...

– Ха-ха-ха... ха-ха-хё-х, – уже до слез смеялся патриций. – Не может быть... Какая прелесть!

В это время из парилки, наконец-то, буквально выполз Иван Васильевич, кряжистый мужчина с редкими волосиками на могучей, лобастой голове. Он делает дыхательные упражнения, не спешит заворачиваться в простыню и смотрит на своего товарища, недоумевая, что могло так рассмешить его.

– Ваня, давно я так не смеялся! Ну, Сергей, ну, насмешил... Подожди, отойду и перекажу тебе сию байку... А сейчас давайте выпьем!

– Если я сейчас снова выпью, то свалюсь, безнадежно, – сказал Сергей. – Лучше я ещё раз постою под холодным душем.

Старые друзья остались у стола вдвоем.

– Вань, не пойму я, за что его хотят арестовать? Ведь он или святой, или ребенок... До него даже не доходит, что ему могут впасть «измену Родине»... Ведь он уверен, что все делал правильно. И он, действительно, по моим, например, меркам, делал все правильно. Служил Родине, второму человеку в государстве, правительству, наконец, народу...

– Это ничего не значит, Жора. Они проиграли вчистую дело, которое начали. А дело – святое. Помнишь, референдум в марте? Почти 100 процентов народа во всех союзных республиках проголосовали за сохранение СССР. Вот это и был их мандат, выданный народом. Вот их козырь, идеология и крест, и я точно знаю, что Сергей говорил Премьеру, на что делать акцент... Но тот был изначально пассивен. Не хотел становиться лидером. Понимаю. Ответственность, кишка тонка... Все понимаю. Но он сейчас берет на себя ответственность? Он прикроет этого парня? Легче легкого найти стрелочника... Надеюсь, ты меня понимаешь?

– Я не политик, военный. И скажу так: более бездарного поведения, чем поведение несколько дней назад нашего военного министра, трудно себе представить. Сегодня новая власть истошно вопит: «Смерть путчистам!», «Разобьем головы собакам-путчистам!» Я большего позора не видел! Неужели России на роду писано, чтобы ею управляли дураки, палачи и алкаши?

Знаешь, что такое путч, в классическом, в скобках, военном, представлении? Чили! Это путч... Аргентина – тоже. Тысячи жертв и замученных на стадионах-тюрьмах... Не дай, Бог, конечно, это ужасно... А у нас, какой путч!? За три дня ни одной вразумительной команды не прозвучало! Сопляки – мальчишки, подстрекаемые старыми провокаторами из недовольной партийно – чиновничьей номенклатуры во главе с пьяным секретарём обкома и братвой – кооператорами, которые машинами возили из своих баров и ресторанчиков на Набережную водку и жратву, полезли под танки. Конечно, кровь – это ужасно, непростительно. Но это и момент истины...

– Так-то оно так, да нас не спросили, Жора. Это факт. На нас с тобой упала судьба этого мальчишки, по возрасту – не самого старшего сына. Это второй факт. И я спасу его не потому, что он в ранге министра, один из умнейших идеологов страны. Жора, прости за пошлый пафос: он стал моим другом задолго до ГКЧП, когда был простым журналистом... А у него еще двое сыновей, жена. И я прошу тебя помочь ему, как когда-то помог мне спастись от ищеек Берии.

– У нас с тобой нет больше Северного полюса... И острова Рудольфа...

– Зато у тебя есть академия, которую закончили десятки генералов и даже маршалы, твои выпускники и ученики...

– Не суетись. Пока нам и здесь неплохо. Гарнизон наш, без нашего разрешения ни один в чужой форме не въедет, так? Так! Его не будем светить, пусть сидит у меня в лесном домике. Там с гектар земли отгорожено, поставим дядьку – двоих, как на охраняемом объекте. Книг завезем, едой набьем холодильник... Пусть довыздоровливает. Вот так, мой боевой товарищ. Это по-военному, не ваша гражданская богадельня.

– Его, может быть, нужно доктору показать...

– Не проблема. У нас и здесь есть медсанчасть с правами госпиталя, и в Сокольниках у меня товарищ начальником госпиталя служит. Спрячем Сергея там, никто и знать не будет.

– Хорошо, дорогой Георгий Саньч, мой старый и верный друг, спасибо. Я могу оставить его на тебя? Мне надо вернуться в Москву, у Саши непростая ситуация, хотя она еще и встает, и даже ходит... В общем, ты все знаешь, Жора.

– Я дам команду, тебя доведут на моей машине... Посиди еще немного, я что-то стал скучать по тебе, по нашим временам... Ведь мы с тобой, фактически, остались вдвоем. Помнишь, как тебя представлял мой замполит на общем собрании слушателей? «Слово предоставляется Герою Советского Союза, генерал-полковнику авиации... Ха-ха-ха-а. Я даже не успел встрять, поправить его. А потом специально промолчал, думал: пусть пройдет зал, который приветствовал тебя стоя. Ты все эти регалии заслужил. И как ты разочаровал тысячный зал, когда сказал, что ты – рядовой ВС в отставке, что флаг-штурманом был, но это не военная должность. И что званием Героя Советского Союза тебя не наградили. Мне снова стало так горько и обидно, что захотелось плакать... Вань, кто сделал это?

– Контора Лаврентия Павловича... Наш куратор – полярный академик... Да, ерунда все это. Хорошо, что ты меня спас, что живым остался, что в лагере не попал... Давай выпьем, Жора. Хотя я уже давно так помногу не пью. Силы не те.

– И я не пью... Только в обед – лафетничек, после сна, на полдник – второй, но уже домашней настоечки или наливочки. И на ужин – третий. Спать ложусь рано, встаю – тоже рано. Это уже служба, не вытравишь.

– А лафетничек-то какой?

– Петровский, поболее соточки граммов, дома покажу. И долгое время – только водочка. А теперь вот еще и настойками увлекся. Угощу тебя можжевелевой, тминной и клюквенной, но наливкой. Сам делаю. Жене очень нравится, с удовольствием принимает. Вот и твоей Саше надо было на все домашнее переходить. Тогда бы и желудок сохранила... Все, молчу-молчу, прости. Вы же не на природе, не за городом живете.

– И не на маршальскую пенсию... Ты же знаешь мою пенсию? Только гонорарами и существую да плюс членство в редколлегии одного журнала.

– Вот, твою мать, героя-лётчика держат на рядовой пенсии. И ты молчишь, не хочешь, чтобы за тебя похлопотали...

– Ладно, Жора, не заводись. Это ведь не первый разговор. Столько лет прошло, все забылось, былшем поросло...

Они налили в стопки водку, посмотрели друг на друга, чокнулись и со словами «Будь здоров!» выпили и крякнули, со вкусом.

Из душевой комнаты вышел Сергей, не подходя к столу, стал вытираться полотенцем.

– Он, правда, болен? – Шёпотом спросил Георгий Александрович. – Держится молодцом, не подумаешь, что инфаркт перенес...

– Мне его лечащий врач – какой замечательный мужик – сказал, что он умрет тихо, не вскрикнув, скорее всего, во сне. Вот такая у него ишемия сердца. Только когда, неизвестно, может, и сорок лет еще протянет. Как жизнь сложится, сколько стрессов будет и т.д.

– Давай-ка, чаем его напоим, подогреем чайник-то... Есть малина, клубника, даже ежевичное варенье есть. Пусть поест, для сердца – это бальзам.

– Мне пора, Жора.

– Понимаю, собирайся потихоньку. Пить больше не будем, поводов нет... За Сергея не беспокойся. Подумай, только серьезно, как отследить ситуацию с его семьей, как им передать весточку о нем. Но помни: он под колпаком. Я смогу прозондировать ситуацию только по приезде в Москву. И то еще думать буду, каким образом это сделать...

Сергей подходит к столу. Полярники смотрят на его пропорциональную, ладно скроенную фигуру: ни капли жира, ровные мышцы на груди и животе, мощные ноги с разработанными икрами. На руках мышцы чуть захирели, отвисли, но, видимо, несколько лет назад они знали хорошие нагрузки. Для чиновьего люда – это нетипично.

– Сергей, мне надо в Москву... Жена приболела, то да се... Жора все знает, мы с ним все обсудили по тебе...

– Да, я понимаю, Иван Васильевич... Надо, значит, надо...

– Ничего не обещаю, но я постараюсь найти выход на твою семью, чтобы передать им весточку от тебя.

– Спасибо... За все спасибо. Я понимаю, что уже, наверное, сидел бы в тюрьме, вместе со своим шефом... Но я отказываюсь понимать, за что... Хотя это тема отдельная. Не сейчас. Надо понять: кто пришел и куда, кто кем стал, и кто сохранился, несмотря ни на что... Вы меня понимаете?

– Сергей, постарайся меньше забивать голову, – довольно резко сказал Иван Васильевич. – Для твоей же пользы. И помни о сердце. Вот список лекарств, твой доктор все расписал, как, когда и поскольку таблеток принимать. На коринфар нажимай осторожно, я его тоже принимаю, зараза еще та...

И чтобы как-то загладить повышенный тон, полярник добавил:

– Георгий Александрович мне расскажет о твоём поведении, особенно с медперсоналом женского пола...

Потом они стали одеваться, было уже не до чая. Вышли из бани, стоящей в углу большого дачного участка, заросшего крупными соснами и елями. Ни грядок, ни цветов не было видно: сплошная лужайка с не подстриженной тимофеевкой, выросшей кое-где до колен. И огромные деревья, сохранившие прелесть девственного леса. Дом стоял на противоположной стороне от бани, двухэтажный, просторный, с окнами, практически, по периметру всего деревянного чудовища.

– Чувствуешь, Собакевичем пахнет? – Спросил Георгий Александрович. – Но мне нравится такой простор, такой вологодский сруб, такое количество воздуха. Я так намучился в летчицких кабинках самолетов, что сам нарисовал эскиз дома. И жене нравится. Вот скоро приедет от внуков из города, познакомлю вас.

Черный «ЗИМ» – ветеран отечественного автомобилестроения – не стал заезжать во двор дачи, разместился прямо у массивных ворот, обитых кованым железом. Сергей со стороны наблюдал за друзьями – ветеранами, по всему выходило, что за старшего здесь был рядовой ВС Иван Васильевич. Он мог ворчать на маршала, даже покрикивать, но глаза его были теплыми, дружескими. Их пикировки напоминали разговор двух братьев, которые за длинную жизнь узнали друг о друга все: и хорошее, и плохое.

– Это Саше, – маршал протянул большой пакет, почти доверху набитый какими-то продуктами, – поцелуй ее от меня...

– Ты заразен буржуазными пережитками. Не хватало, чтобы и моя жена переняла через поцелуй твои куркулевские замашки...

– Звони мне, но помни о секретности...

– Я буду азбукой Морзе передавать тебе сообщения...

– Ха-ха-ха-а... Господи, как дети, не к добру... Давай прощаться...

Они обнялись: высокий стройный маршал и коренастый полярник. Два друга, прожившие вместе 50 лет.

– Я боюсь за него, – тихо сказал Иван Васильевич в ухо маршалу.

– Я тоже. Я отправлю его по нашим каналам во Вьетнам. Или лучше на Кубу... Точно, на Кубу. Там не пропадет, будет выпускать на военбазе газету...

"ЗИМ" умчался, шурша широкими шинами. Сергей сказал, что он чуточку подышит, осмотрит участок и зайдет в дом. Маршал стал говорить, как он заваривает чай.

– Впрочем, соловья баснями... Пойду исполнять. Тебе настойки или наливочки?

– Наливки. А чай, если есть, с лимоном.

– Все есть... Не задерживайся, будем говорить о командировке... Тайной миссии...

Сергей уже шел к двум стройным корабельным соснам, стоявшим отдельно от других посадок. На высоте 7-8 метров на стволы были надеты широкие резиновые жгуты из-под протекторов, скрепленные мощными болтами. На них накинута длинная цепь, которая спускалась почти до земли. На цепи положены толстые короткие доски, закрепленные снизу замками. «Для детей прилажены по высоте, низковато для взрослого человека, – подумал он. – Вот бы сюда младшего сына. Да и старший бы не отказался покачаться. Здорово можно полетать».

Он все время думал о детях, о жене. Знал, что соседи по даче не дадут их в обиду. Но так было до его ухода из больницы. А сейчас он кто? «Преступник в бегах, – думал Сергей, – и власть начнет терзать семью: она не может не знать, где скрывается глава семейства. Надо, наверное, заканчивать эксперимент с беготней. Придти домой, повидаться с семьей и дожидаться следователей... Да, но придут не следователи, а мордороты, группа захвата. Переломают кости, потом спишут на сопротивление властям. Они рассчитаются и за побег, и за ту нервотрепку, которую я им устроил... Нет, надо подождать весточки от Ивана Васильевича. Вдруг ему удастся связаться с семьей? Вдруг обо мне все забыли? Кому я нужен, винтик, болтик, шуруп, гайка...»

Сергей машинально сел на доски, попробовал поджать ноги вниз и вбок, и качели отреагировали, пошли вперед, отклонились назад, снова вперед...

Вот он уже летает выше елочек, молодых березок, обрамляющих дорожку, ведущую к бане. Он ритмично, в такт движения качелей, отбивает фразы: «Надо жить... Надо очень стараться выжить... Ради семьи, ради детей, памяти товарищей, оказавшихся в тюрьме. Надо рассказать правду обо всем произошедшем... Надо ждать... Надо научиться умению ждать...»

Он чувствует прелесть полёта, свободы, ощущает биение сильного здорового сердца...

Глава-6.

Фаворит любил сосиски в натуральной оболочке. Он поедал их в большом количестве с ядерной горчицей, не очищая от кишок, в которые они заворачивались. Бунгало пахло пряностями и вареным мясным фаршем. Второй этаж, на котором Фаворит расположился, продувал бриз с морского залива, а прохлады добавляли мощные кондиционеры, установленные в нишах деревянного пола.

– Евгения Палыча помнишь? Жив – здоров... Вышел по амнистии. Живет тихо, словно мышка. А ты как здесь? О тебе перед моей поездкой сюда сказал советник посла Володя Кастро. Он что, действительно, сын Фиделя? И как ты с ним познакомился?

В дверь постучали, через секундную паузу зашел официант с подносом в руках, на котором возвышалась бутылка кубинского рома, расположились высокие граненые стаканы, ломтики ананасов, бананы, розовые кусочки экзотического плода с местным названием «фруто-бомба». В железном ящичке хранился колотый лед. Официант быстро заговорил по-испански:

– Сеньоры, вот заказ... Мне надо убрать со стола... Где очистки после сосисок? Где шкурки?

– Большое спасибо, – по-испански сказал сосед Фаворита по столу, – очисток не будет... Разольем мы сами, вы – свободны...

Официант собрался уходить, но все еще машинально продолжал искать шкурки от сосисок, оглядывал пол, диван, третье, стоящее свободным, плетеное кресло.

– Минутку, – сказал Фаворит, – Гавана-клуб энд айс! Дубль!! – И заржал, довольный произведенным впечатлением.

– Ничего, дорогой, – снова по-испански сказал сосед Фаворита по застолью, – мы сами разольем... И айс, и дубль сделаем. Вы свободны.

Официант вышел, осторожно прикрыв за собой дверь. До напарника Фаворита донеслось: «Масетос», – так на Кубе называют «новых русских».

– А ты по-испански рубишь! Выучил?

– Да, хороший язык, довольно давно выучил, подзабыл основательно, но здесь легко восстановил.

– Ну-ну, расскажи, как ты здесь живешь?

– Политический обозреватель центральной кубинской газеты. И уже второй год обслуживаю пустующее собкоровское место российского информационного агентства. Правда, почти бесплатно, говорят, что у них в хозяйстве нет денег.

– Чушь, я в этом разберусь, дам команду! Ты про нас пишешь? Мне посол сказал, что ты во много раз делаешь сейчас больше, чем все наши госорганы и СМИ, вместе взятые, чтобы сблизить любовь кубинского народа к нашей стране...

– Они по-прежнему любят советский народ, СССР... Да, это так. Но они уже точно знают, что большой страны нет, что есть Россия, которой самой трудно. Что у нее в год умирает больше людей, чем рождается, и что только на пятом году новой власти в России появился человек, это вы, который был министром СССР и который строил им огромный комбинат, но не успел достроить. И он прилетел теперь к ним во главе большой делегации и готов решать проблемы, потому что он Фаворит, любимец президента и его преемник. Главное в том, что он сказал на трапе самолета: 5 миллионов тонн нефтепродуктов он даст кубинскому народу. И заберет у него сахар, который не берет Америка и все ее сателлиты – суки проклятые. И не в счет погашения долгов за нефть. А купит за живые деньги... Вот обо всем этом и еще о многом-многом другом я и пишу в своей колонке в газете...

– Я знаю, что газету начинают читать с твоей колонки, мне мой помощник рассказал и показал газеты. А потом Володя подтвердил все это, сказал, что ты – легендарная личность здесь, что с тобой дружит Фидель Кастро и что Рауль любит выпить с тобой русской водки...

– Коменданте Фидель иногда приглашает меня на эксклюзивное интервью. Это, как правило, сенсации для внешнего пользования. Я – не кубинец, мне верят иностранные журналисты, аккредитованные здесь. И мне верит кубинский читатель... Это дорогого стоит. А с товарищем Раулем мы встречаемся на даче Союза молодых коммунистов страны. Там много интересных ребят, спортсменов, чемпионов мира, знаменитых артистов, с которыми он любит общаться. Там же я познакомился и с Володей Кастро. Он приемный сын Фиделя, но это довольно известная история...

– Да, я знаю. Что ж, давай выпьем. Положи мне льда в это го***. Как они пьют этот ром? В такую жару...

– В холодильнике есть наша водка и черный хлеб. И банка русской селедки. В общем, весь джентльменский набор.

– Нет, это подарок тебе. Не будем распечатывать... Ну, за встречу! Я тебя хорошо помню. Для нас это было шоком: ты запускаешь операторов телевидения в зал заседания Совмина... Все подтягиваются, даже Премьер. Как ты убедил Евгения Палыча давать репортажи с засе-

даний? Уму непостижимо... Но это абсолютно правильный ход. Только так можно добиться поддержки народа. Он должен знать, чем занимается уполномоченная им власть. И тогда он поверит ей...

– Вот я точно такими словами и говорил Премьеру, почти слово в слово... Значит, убедил, как и вас.

– За тебя! За то, что ты все эти годы отстаивал честь и доброе имя нашей страны... Той, великой, из которой мы все вышли, но которую потеряли... Но мы живы, мы у руля, и мы еще можем создать такую же мощную страну!

Фаворит залпом выпил полстакана рома, чуть не проглотил кусок льда, выплюнул его в стакан, выматерился и стал поедать ананас. В воздухе висели напряженность, недосказанность, недоговоренность. Фаворит чувствовал это напряжение, отводил глаза, но первым не начинал разговора.

– Ты, конечно, дома не был все эти годы... Я знаю, что к тебе только раз смогла выбраться жена. Да и то инкогнито, по неофициальным каналам. Но ты ведь знаешь, что дело закрыто, на уровне решения законодательной власти все получили амнистию и реабилитацию...

– Я официально не получал обвинений, значит, не получал и амнистии. Я знаю теперь точно, что меня должны были тихо убрать. Но это уже подробности, сейчас они ни к чему...

– Не буду крутить вокруг да около: ты готов так же, как прилетел сюда в одном костюме, завтра улететь со мной на моем самолете? Просто сесть в самолет первого вице-премьера правительства и вернуться на родину?

– Что я там буду делать, кроме, конечно, соединения с моей семьей? Как это все оформить...

– Никак... Ты был в длительной командировке. Выполнял задание правительства. Паспорт у тебя есть СССРовский? Считай, что все сделано... И последнее: я хочу предложить тебе работу у меня в аппарате. Мне все равно нужен советник, черт-дьявол, руководитель пресс-службы, что ли называется... В общем, сформулируешь сам, как это должно называться. И я, думаю, мы всем позатыкаем глотки в момент!

– Когда вы улетаєте?

– Придешь в аэропорт, в зал VIP-персон, охрану я предупрежу. И всё. Больше никто ничего знать не будет. На борту, если кто из моих коллег спросит, скажешь, что ты – корреспондент, старинный друг моей семьи. Воспользовался оказией, чтобы быстрее добраться до дома.

– А по прилету, пограничники, службы...

– Мы летим на Внуково-2, там обходимся без границы.

– Хорошо... О гарантиях не прошу: вы меня пригласили на работу, это мои гарантии... Я подумаю о вашем предложении... Скажите, что было в августе 91-го?

– Полное го***... Но мое министерство, мои предприятия поддержали государственный комитет по ЧП. А это ни много, ни мало около полутора миллионов работающих. Плюс семьи. Это не шуточки... Но в Москве у меня кроме пяти вагранок – ничего нет. Мы хотели объединиться с железнодорожниками, это еще почти миллион. И министр точно знал, что его люди поддержат Советский Союз. Мы могли бы к дому на Краснопресненской набережной вывести до 200-300 тысяч человек в течение двух часов, пришлось бы, правда, закрыть на время метро. Но это даже к лучшему, бежать бы было некуда пьяной толпе. С рабочими не пошутить, это страшная сила...

Фаворит замолчал, сидел, положив огромные ручища на стол, играл массивными ножами из сервировочного набора. Как эти два ножа попали на холостяцкий стол, было загадкой.

– Ну, и что же помешало вам?

– Я лично понял, что за всем этим бардаком стоит наш дорогой президент, как будто отдыхающий на море и как будто не ведающий о том, что творится в столице. Я твердо знал,

что все предварительные документы по ГКЧП согласовывались с ним. Мне в страшном сне не могло бы присниться, что Премьер или министр обороны пойдут против живого руководителя страны. Мы не так воспитаны. Власть может убрать только высший коллективный орган, типа Политбюро, Верховного Совета, которые ее, власть, и назначали. Понимаешь, о чем я говорю?

Помолчал и продолжил также горячо:

– Президент знал обо всем, знал, что есть желающие убрать его, но их меньшинство, и они трусливы как крысы. Знал он и о том, что порядок в стране надо наводить. И за это его поддерживало большинство в руководстве страны. Но они не были популярны у горлохватов – перестроечников, кооператоров, новых и старых цеховиков, барыг, людей с новыми деньгами. А президент и им тоже хотел нравиться. Поэтому молчал, выжидал до последнего: кто кого в этой банке сожрет. Вот такая вот истина. Рад, что первым пинка под зад получил именно этот президент. Я бы, на мой характер, застрелился после того, что над ним учудил Мальцин. Впрочем, что я говорю. Я сам вот теперь служу у него, фактически руковожу правительством, выполняю его поручения напрямую. В общем, херня какая-то творится...

– Как вы думаете, за что они меня так...?

– Прости, но ты – чудака на букву "м", если не понял..., – он довольно долго молчал, соображая, как бы поаккуратнее загладить ту бестактность, которую допустил.

И без перехода:

– Ты – идеолог, трактовал линию поведения второму человеку в государстве... Вы были, на тот момент, единственным легитимным и законным органом власти в государстве. Поверь, все прекрасно понимали, что если бы пришло Распоряжение Кабмина защитить правительство от бесчинств толпы (а это реально была толпа), я первым бы отдал команду рабочим коллективам – владимирцам, тулякам, калининцам, липчанам и т.д. – срочно прибыть в Москву. И, поверь, они бы и прибыли, и навели порядок. Ты что думаешь, этого не понимал Мальцин?

А ты знал Героя Социалистического Труда Братюка с НЛМК? Легендарная личность! Он мне после августа 91-го не раз говорил, что ждал моей команды, что две сотни автобусов стояли под парами. А вот почему ты не уговорил Премьера взять все в свои руки?! Ведь я знаю, что ты ему именно такую линию поведения выработал: все взять в свои руки. Эх, если бы, да кабы! Вот тебе и мстили за всё это. Все, брат, утомил ты меня... Давай-ка, выпьем водочки. Охерел я совсем от этого рома!

Он сам подошел к холодильнику, открыл дверцу, вынул бутылку «Столичной» с ярко-красным рисунком на белой этикетке. За столом открыл ее, ополоснул граненые стаканы прямо водкой, вылив остатки в короб со льдом.

– Ну, Сергей Иванович, за нашу дальнейшую совместную работу. Молча, стоя и до дна, – и налил граммов по двести в каждый стакан.

– За нашу будущую работу, – повторил сосед Фаворита и выпил наполненный стакан быстрыми, даже слишком торопливыми глотками. Фаворит посмотрел на него, сказал:

– Давно, Серёга, не пил русскую водку – то, по-русски?

– Давно, – едва отдышавшись, просипел журналист, – здесь так и по столько не пьют...

Фаворит поднял массивный стакан, красиво держа его в ладони с оттопыренным мизинцем, и глоток за глотком опорожнил содержимое, не морщась, не захлебываясь, с достоинством человека, знающего толк в экспортной русской водке...

Шансы на успех на выборах были не только призрачны. Их не было вовсе. Только 2-3 процента будущих избирателей поддержали бы действующего президента. Такого еще не знала новая Россия.

Он стоял в условленном месте у выездных ворот Белого дома, в котором после расстрела парламента в 93-м разместилось правительство. Бронированный «Мерседес» остановился прямо перед его ногами, дверца мягко открылась, и он увидел Фаворита:

– Влезай, мы, кажется, можем опоздать... Затрахали меня на малом Совмине...

И без перехода:

– Гоните мужики! Мы должны быть в КДСе...

Поехали так быстро, как могла позволить себе машина с мигалками и сиреной. Старший смены охранников, сидевший рядом с водителем, с кем-то говорил по рации, просил кого-то поддержать перекресток, потом часть Нового Арбата, потом въезд в Кремль со стороны Боровицких ворот. К Кремлевскому Дворцу съездов машина домчалась за семь минут. Вошли в двери дворца напротив служебного входа, где внутри небольшого зала ждал офицер из службы охраны президента. За стойкой гардероба стоял крепкий старичок, видимо, ветеран КГБ. Зал-вестибюль – небольшой, стояли старинные диванчики, в проемах нескольких окон, наглухо закрытых металлическими жалюзи, выставлены то ли стулья, то ли мини-кресла.

– Присядь, – сказал Фаворит пассажиру из «Мерседеса», – тут в чем суть. Я представлю тебя президенту... Ну, как главного рекламщика его предвыборной кампании. Об этой встрече никто не знает, кроме моего друга – руководителя одной из служб президента. Если получим добро, сегодня же я представлю тебя членам штаба по выборам. С президентскими полномочиями... Тогда пусть пляшут, ворочают морды, скоты! Думали, что их деньги все могут? Посмотрим... Готовь ребят. Позаменяем, нахер, всех на ТВ, радио... Гниды, шакалы вонючие, алчные...

И без перехода:

– Ты молчи, если не спросит. Я все сказал ему, он знает, в какой он ж***. Слава Богу, поверил... Да еще здоровье совсем ни в дугу. Выборы – не для его состояния... Но выхода нет. Он просил меня... Я – обещал!

Массивная дверь медленно стала открываться, в нее проскочил маленький круглый охранник, которого все звали Коля. За ним, дождавшись, пока дверь откроется полностью, вошел высокий пожилой человек в длинном кашемировом пальто, прекрасного покроя, с коротким мехом норки, заведенным на подкладку. Это был президент. Гардеробщик выскочил из-за стойки, стал аккуратно снимать с него пальто.

Президент одернул костюм, достал из кармана расческу, подошел к зеркалу в полный рост, тщательно причесал белые с полосками цвета папируса волосы. Развернулся медленно от зеркала, сказал:

– Здравствуйте. У меня минут 15 времени перед выступлением...

Эти слова, скорее, были адресованы спутнику Фаворита, потому что длинноногий любимец президента уже успел энергично потрясти руку старика и отойти в сторону. Сопровождающий Фаворита подошел к президенту совсем близко, увидел протянутую руку, и они поздоровались.

– Вот вы какой... Эээ, мне говорили про вас. Что ж, все бывает, время такое... Хорошо, что все закончилось. Да... Шт-эээ вы думаете, сможем выстоять? Я плохо верю в победу... Но мне все говорят: больше некому отстоять демократию, – обратился он к журналисту.

А тот смотрел на абсолютно больного старого человека, чьи биологические и энергетические ресурсы полностью израсходованы. Характерные пожёвывания челюстями, багровые подтеки от скул до шеи и за ушами выдавали в нем часто и много пьющего гипертоника. Глаза усталые, почти выцветшие и потухшие практически ни на что не реагировали. Ему не были интересны новые знакомства, он не ждал от людей ни новых мыслей, ни идей. Он скучал в этой жизни давно и безысходно. Ему наскучило даже обладание безграничной властью.

«Такие плохо кончают, – думал про себя спутник Фаворита, – тихой смертью в мертвецком сне во время очередного запоя или под ножом хирурга во время тяжелой операции на

сердце. Он не подымен на новый президентский срок. Его нельзя возить по городам и весям... И что делать? Что я скажу ему? Главное, что я скажу Фавориту?»

– Шт-эээ, плохо дело? – Как будто прочитал его мысли больной президент. – Вы скажите честно, не скрывайте...

«Больной президент» – так мысленно назвал его спутник Фаворита – сделал шаг к дивану, медленно и осторожно опустился на шелковую обивку, оперся руками о сиденье.

– Стоит мне затевать все эээ-то?

– Не стоит..., – ответил собеседник. Он стоял в двух шагах от сидящего на диване старика, и ему казалось, что они одновременно с президентом чувствуют, как боль из левой стороны груди уходит к подмышке, как медленно немеет левая рука, и колючие искорки бегут к пальцам. Так было и в ту памятную ночь августа...

Президент поморщился, всем видом давая понять, что разговор окончен, но сказал:

– Эээ-та почему?

– Надо попробовать вылечить сердце... Вы можете не... Вы, скорее всего, не выдержите даже первого тура выборов...

Наступила пауза. Фаворит дышал шумно и часто, приблизившись к президенту вплотную. А тот опустил глаза, в которых собеседник успел разглядеть не страх, даже не мимолетный испуг – скуку.

«Он знает о своем физическом состоянии, – думал напарник Фаворита, – и ему на мои откровения наплевать. Или он ждал бодрых заверений? Мне, в конце-то концов, все равно, что он обо мне думает. Вот, что он о себе думает? Это сейчас самое главное... Фаворит меня убьет... Но и это сейчас не главное...»

Президент стал подниматься с дивана так тяжело и некрасиво, что подбежавший к нему Коля – охранник постарался закрыть его своим телом от чужих глаз. На плечо охранника он оперся одной рукой, а второй продолжал держаться за диван. Рывка не получилось, он застыл в позе человека, сраженного острым приступом радикулита. И в это время Фаворит, отодвинув своего протеза, стал двумя руками буквально тянуть вверх, отрывать от дивана Больного президента. Он все-таки сумел подняться, переминаясь с ноги на ногу, выровнял тело относительно пола, сделал три – четыре шага к дальним дверям, ведущим в президиум на сцене КДСа. Вдруг остановился, затем, передвигаясь мелкими шапками вокруг своей оси, повернулся к собеседнику и сказал:

– Вас как эээ-зовут?

– Сергей.

Президент улыбнулся и пошел боком, потихоньку вырывая на середину проходного зала.

Они никогда больше не встречались.

"Ты похож на астероид..."

Часть 1

Глава-1.

Моего деда зовут Николай Иванович, его внука, то есть меня – Саша, кузнечика мы назвали – Кузя. Он, как и его длинноногие друзья, любил зеленую траву в тени большущей яблони и зарослей белой акации в нашем саду. Моя бабушка, Татьяна Васильевна, каждый раз, как подходит к ней, тихо напевает: "...Белой акации гроздь душистые ночь напролет нас сводили с ума". Она влюблена в неё, но ворчит, что та разрослась на целый квартал, потеснив всех соседей.

Мой отец – сын дедушки, был шаловливым и непослушным в детстве, угробившим, по словам бабы Тани, её здоровье. Дед Коля так не считает, говорит, что мой отец – отличный редактор, но, поскольку он "обалдуй, то у него всё наскоком получается". Он шутит такими словами, это я точно знаю. Отдельно хочу сказать о младшей сестрёнке – пятилетней Дарье, такой дурочке и крикунье, что слов нет. Но я всё равно сильно люблю её, сам не знаю, почему. Как скажет, хитрюга: "Саа-ша, я тебя обожаа-ю..." – я готов всё-всё отдать ей. Она сейчас у второй бабушки – врача, которая со знакомым логопедом исправляют её речь. А так мы, вообще-то, живём в другом городе, мама и папа работают, а нас с сестрёнкой подбрасывают на лето по очереди к своим родителям.

Короче, про Кузю хотел рассказать. Он появился в конце весны. Дед Коля с бабой Таней – пенсионеры, уже всю жизнь жили в деревне, у большой реки, где моторные лодки да рыбалки по утрам. Сидели они на открытой веранде дома, попивали чай с мятой. Видят, как на полу-метровый по высоте порог заскакивает большущий кузнечик, тёмно-зелёный с коричневыми шипами на лапах. Страшный, бабушка дар речи потеряла, чай забыла ко рту поднести. А дед успокоил:

– Вот и гость. Пусть за сверчка будет, не пугайся, это к достатку в доме, давай-ка последим за ним...

А что тут следить? Тот спокойно так, не прыгая, почти вразвалочку, проковылял к углу веранды и скрылся в щели между вагонкой.

– Значит, сюда он не первый раз наведывается, – сказал дед, – где-то у него проход есть в комнаты. Послушаем, запоёт или нет...

Молчал и вечером, и утром зелёный квартирант, но к каждому заходу солнца за горизонт прыгал на веранду и шёл в свой угол. Дед понял, что кузнечики всё-таки не сверчки, не живут, а только ночуют в доме, утром – на луга уходят. Но всё равно привыкли они к Кузе, стали считать его своим соседом. И если он не приходил на ночлег, то огорчались, ждали на освещённой веранде допоздна. А потом он совсем исчез. И к нашему приезду в гости они забыли про Кузю, не до того было: внуков-то видели раз в году, готовились к встрече.

Но за неделю до моего приезда, рассказал потом дед, смотрел он телевизор, после фильма потянулся к торшеру, чтобы выключить свет, и тут что-то колючее попало под руку. Испугался, отёрнул пальцы, видит, сидит на перекладине, ведущей к абажуру, здоровенный кузнечик, очень похожий на Кузю, только ещё большего размера.

– Ну, ты и вымахал, – сказал дед, – и где тебя носило всё это время?

Кузнечик сидел неподвижно и смотрел на деда. Тот протянул палец, погладил красавца по спинке. Терпит, не сдвинулся с места, потом поднял передние лапки и будто стал ими гладить длиннющие задние ноги. Я сказал тогда деду: "Что-то фантастическое есть в огромных кузнечиках, будто это посланцы "зелёных человечков" с других планет". Он со мной согласился.

Видел я Кузю всего несколько раз: всё-таки мне, хоть и десятилетнему почти, ложиться после 22 часов поздновато. А он приходил на ночлег в сумерках, перестал пользоваться лазом, скакал через тёплую веранду прямо в гостиную, забирался на торшер и смотрел с дедом и бабушкой телевизор. У стенки стояла небольшая тарелочка с выемкой для воды, рядом хозяева складывали мини-кусочки огурцов и яблок. Ел он или нет – не знаю, дед говорил, что сосед сидел на блюдечке подолгу, видимо, ждал, когда выключат свет. Но точно знаю: не певец был Кузя, ни разу в доме не выступил с концертом.

В середине августа, незадолго до моего дня рождения, решили с дедом наловить рыбки, приготовили снасти, всё выставили на открытую веранду. А надо сказать, что в конце нашего двора на толстенной ёлке жила ворона, которая не каркала, а кричала, словно дикая утка. Летела по небу и кричала так, что у охотников сердце замирало, думали, наверное: неужели утки начали собираться в стаи, рано вроде бы ещё? Так вот, эта нахалка раз-два в неделю,

строго на рассвете, спускалась во двор и обследовала все закоулки, включая даже веранду. Соберёт крошки, попьёт кошачьего молока и взлетит на довольно пологую крышу дома: ката-лась она, лёжа на спине, помогая себе лапами, как рулём. Сам видел этот цирк, не вру.

Короче, в то утро дед, как всегда, встал первым, стал готовить завтрак, стеклянную дверь не открывал, увидел через неё, как по веранде расхаживает ворона. Подошла к углу и давай долбать клювом по вагонке. Дед вспомнил о Кузе, загремел ключами, но было уже поздно. Если бы он раньше открыл дверь, ворона не посмела бы ходить по веранде, кузнечик спокойно бы доскакал до двора, а там попробуй поймай его в траве. Дед разглядел, как, держа Кузю в клюве, ворона с разбега взлетела в воздух, курс держала прямо на мохнатую ель.

Мог ли ошибиться дед, тем более, без очков? Мог, конечно. Но квартирант больше не приходил к нам вечерами. Жалко Кузю, но дед сказал: таков закон природы, ему миллионы-миллионы лет и тут уж ничего не поделаешь...

Потом приехала Даша, она очень любит всё живое, особенно котят и щенков. Мы решили не рассказывать ей про Кузю, бабушка вздохнула: "Зачем огорчать пятилетнего ребёнка. В мире и так столько жестокого..."

Глава-2.

Лето напугало погодой: перевалило за макушку, а купались в реке только местные мальчишки. Дедушка Коля обещал сводить меня и Дашу на самодельный пляж: "как только, так сразу..." Я понимал его юмор, куда пойдёшь, если вода – не выше семнадцати градусов. И вот второй день – солнце, дожди прекратились сразу, к ночи затих ветер, но трава мокрая и к пляжу практически не спуститься, берег глинистый, обрывистый, едешь по нему, как на коньках. Всё же решили сходить, дед выстругал палку, на большую ногу надел двойной наколенник (ещё мальчишкой разбился, играя в футбол), собрали коврики, полотенца, совки да формочки для песка (это всё для Даши), а удочки решили не брать: сделаем разведку боем, будет видно, что взять на подкормку рыбы.

Ива – от кустов до мощных деревьев – фактически спрятала берег реки, только на повороте в затон вода намыла метров сто чистейшего песка. До десяти утра там хозяйничали рыбаки, ловили на донки, блеснили судака, но как только песок прогрелся на солнце, они ушли: дети буквально бежали на излюбленное место, над рекой – крики, визг, брызги воды во все стороны.

Мы долго не решались зайти в воду, дед помалкивал, разминал ногу, а бабушка Таня обтёрла Дашу мокрым полотенцем. Она вообще была против купания после такого холода. Наконец, дед взял меня за руку, повёл к повороту в затон, где с горы нёсся быстрый родниковый поток. Зачерпнул ладонями сверкающую на солнце хрустальную воду и начал меня обтирать. От холода перехватило дыхание, но выдержал пытку: всё-таки мужчина. После этого дед сказал:

– Вот теперь иди в реку...

Фантастика! Вода казалась теплее парного молока. Я, не раздумывая, нырнул, проплыл метров пять под водой, потом грёб по-собачьи, осилил ещё метров десять. И никакого холода не испытывал. Но плаваю я вообще-то плохо, всё время занимает секция большого тенниса, в бассейн некогда сходить. Вот мы и решили с дедом удивить родителей, к концу лета показать им рекорды по дальности заплыва.

Даша так и не решилась окунуться, присела раз-другой в воду, только трусики замочила. Дед не плавал, зашёл в воду по пояс, вымыл лицо, плечи, руки, туловище. А бабушка, будто противореча себе, заплыла довольно далеко, почти до фарватерных буйков. Солнце припекало, обсохли быстро. Мы с дедом сходили на валуны, посмотрели, чем прикармливают и на что

после холодов ловят рыбу. Во всю шло тесто с подсолнечным маслом, опарыши, хотя и на червя брали окуни и плотва. Решили завтра устроить большую рыбалку, встать с восходом солнца.

На гору поднимались долго, серпантин обманывал нас своими изгибами, но так было легче идти, особенно дедушке. Я рассказывал ему о последней игре, появившейся в компьютере, вижу, слушает внимательно, а вот понимает из того, что я говорил, далеко не всё. Ну, что тут сказать: его время ушло, техника сильно шагнула вперёд, он со своим стареньким ноутбуком отстал и, похоже, безнадёжно. Бабушка о чём-то разговаривала с Дашей.

Метрах в двух впереди нас из лопухов на довольно широкую дорожку выползла лягушка, которая буквально тащила полуметрового ужа, вцепившегося ей в заднюю левую лапу. Чёрный, с яркими жёлтыми пятнами сзади головы, он извивался, стараясь обхватить лягушку кольцом. Но слишком мал обжора, не рассчитал силы, пожалничал: было видно, что лягушка в пять раз больше его головы. Но добычу он не выпускал, выделявал туловищем потешные кренделя, стараясь удержать в схватке хотя бы равновесие. Не тут-то было: по ноге жертвы бежала кровь, и всё же она упорно тащила ужа к луже.

– Дедушка! – заверезжала Дашка, – что он делает? Кто это напал на бедненькую лягушку? Укусил её до крови...

Она была готова расплакаться от жалости к четвероногой жертве. Бабушка громко сказала:

– Николай, прекрати это безобразие, творящееся на глазах детей!

– Это не безобразие, – ответил дед, а сам улыбается, – это, ребята, естественный отбор. Так устроено природой: выживает сильнейший. Но здесь явно не рассчитал свои силы уж, придётся помочь лягушке...

Он стукнул палкой по земле, рядом с туловищем ужа, но не захотела змейка отпустить вкусный обед. Тогда дедушка подцепил образованное ужом кольцо и довольно сильно швырнул его на дорогу. Лягушка оказалась на свободе, заметно приволакивая окровавленную ногу, она поползла к луже. А уж проворно скрылся в зарослях лопуха.

– Бедненькая лягушечка, – запричитала Даша, – живи спокойно. Пусть твоя ножка скорее выздоравливает...

– Твои объяснения слишком жестокие и неуместные для детей, – тихо сказала бабушка.

– Они должны знать правду, – ответил дед, – в том числе и о живой природе.

Мы все четверо подошли к луже, увидели, как лягушка сидит в воде, на её лапке уже не было крови. Дедушка сказал:

– Заживёт всё быстро, хладнокровные почти не чувствуют боли. А ящерица вообще полхвоста оставляет в руке человека, если тот вдруг ухватил её за хвост. Но отрастает он заново за несколько дней.

Эти слова успокоили Дашу, и бабушка всю дорогу до дома рассказывала ей про лягушек.

А я спросил деда: мог бы уж заглотать лягушку. Он посмотрел на меня и кивнул, сказав, что мальчишкой видел ужа ещё меньшего размера, заглотавшего в гнезде перепелиное яйцо. "Бедняга, как-то боком-боком, перекатился к ямке и залёг там, надеясь, что скорлупа скоро лопнет и растворится", – дед говорил тихо, чтобы его не слышали Даша и баба Таня.

Я понимал, что дедушка ведёт со мной взрослый разговор, честный, без вранья. Взял его за вторую, свободную от палки, руку, и мы стали догонять наших женщин.

Глава-3.

Ужинаю, потом играю на компьютере, читаем вдвоем с дедом и спать. Я люблю эти часы, когда все вместе. А сейчас едим бабушкины блинчики с творогом, рассуждаем, я говорю:

– Как жалко, что люди умирают. Особенно хорошие люди. Их жальче всего...

– Правильно говорить – жалко... Кого особенно тебе жалко, Саша? – спрашивает бабушка Таня.

– Юрия Гагарина, Пушкина, Ивана...

– Какого Ивана?

– Маминого папу. Но мы его все звали Иваном...

– А бабушку Тамару как вы зовёте?

– Тамара, – я понимаю, о чём говорит баба Таня, мне самому как-то неудобно вторую бабушку называть просто по имени, но она так захотела... И сделала. Дашке, конечно, пока всё по барабану, а мне совсем нет, особенно на улице, особенно при пацанах. Вот поэтому я стараюсь никак не называть бабушку Тамару.

– А Пушкина можешь почитать? – просит дед, которому захотелось увести наш неприятный разговор.

– Конечно... – и начинаю читать: "Мой дядя самых честных правил..."

Читаю минут пять. Мог бы и больше: много чего из "Евгения Онегина" запомнил, когда мне читали его папа, потом мама и даже сам дедушка. Память у меня отличная. Мы с ним на спор читаем книжки постранично: он начинает, замолкает, а я спокойно продолжаю говорить текст почти слово в слово. Дед гордится мной да и мне приятно.

– Ты рассказывай, а заодно и кушай, блинчики-то остывают, – настаивает бабушка.

– Я к тебе на блины приехал, да? – шучу, бабушка улыбается, но отвечает серьёзно:

– Ты можешь и не только в гости. Можешь оставаться у нас с дедом, хоть навсегда...

– Нет, надо ехать, но когда дождёмся Дашу (она ещё не вернулась от второй бабушки).

Школа, теннис... А кстати, – спрашиваю, – вы играете в "Монополию"? Мы играем и довольно часто.

– С кем? – говорит дотошная бабушка.

– Папа, мама, я... А Дашка нам мешает, приходится кой-кому или не играть, или играть в полсилы... Часто мама так делает... Ты готов поиграть со мной? – спрашиваю деда.

– Я всегда – завсегда... – шутит он, но понимает серьёзность вопроса, говорит без смеха:

– Конечно, мне трудно будет, но ты, как всегда, сможешь, да?

– Помогу. Но ты отстал, тебя надо накачать по компьютеру. Кстати, баба Таня – быстрее понимает, потому что у неё нет претензий и своих представлений. Я учу – она понимает. А ты вечно с какими-то вопросами. А тут надо просто запоминать...

– Спасибо, очень толково объяснил, – не удержался дед. Я понял, что опять нечаянно обидел его.

Мы пошли к компьютеру, бабушка начала мыть посуду. Я чувствовал, что какой-то осадок остался после моих слов, сказал, типа, с извинением:

– Зря ты обижаешься... Я же не обижаюсь на папу, когда он учит меня на компьютере. А ты – отец моего папы, помнишь его маленьким?

– Представь себе...

– А что представлять-то, вполне понятно... И ты его также учил, воспитывал и даже ругал?

– Да, но никогда не наказывал, как в мультиках показывают...

– Причём здесь мультики, дедушка... Ты вообще не такой, как все. Ты вообще космический, всех любишь, никого не ненавидишь, ты вообще похож на астероид...

– ???

– Да, точно, все о тебе помнят и все тебя боятся, на всякий случай. И все тебя уважают. Мало ли, что вздумает сказать дед. А ты правда генерал в отставке?

– Нет, я сугубо мирный человек, но работал с премьер-министром той, большой страны...

– И здоровался за руку с президентом?

– Было дело, но давно...

– Мне Димка, ваш сосед, с которым ты ходил на выставку, рассказывал: на ВДНХ к вам за перегородку, где стояли посетители, вместе с охраной перелез премьер – министр и долго с тобой разговаривал, а Димку спросил, как он учится. Тот рассказал об этом в школе, парни балдели...

– Это на что-то может повлиять в наших с тобой отношениях? – усмехнулся дед.

– Не думаю, но просто об этом никто не знает, а жаль. Чаще слышишь: "Зачем расстраивать деда". И вспоминают о твоём больном сердце. Хочешь, я буду приезжать, когда тебе вдруг будет плохо? Просто буду жить у вас пока тебе не станет хорошо...

– Отлично, будем рыбачить, гулять по лесу, собирать ягоды и грибы, будем вести здоровый образ жизни...

– А что, приемлемо! А вообще-то, дедушка, ты должен знать: я люблю тебя до космоса и выше...

– А что может быть выше космоса?

– Так это я же самый! Который любит тебя выше космоса...

– Поверь, и я люблю тебя выше космоса! – сказал дедушка Коля.

Он вышел с тёплой веранды, думая, что прикрыл за собой дверь, а она осталась приоткрытой. Я услышал, как он сказал бабушке, типа того, что интересное поколение растёт. Очень открытое, не стесняется своих чувств. Но и жёсткое, надо дотягиваться до их уровня развития, до современных технологий, что ли...

– Узнай, пожалуйста, Таня, как работают компьютерные курсы... – на этих словах дедушки я уснул.

Глава-4.

Об этом я не говорил даже с отцом. Но точно знаю, при встрече обязательно поговорю с дедушкой Колей. В школе заканчивались занятия. Мы знали с Артёмом, что будем делить первое место по оценкам. Он, вообще-то, посмелее меня, всегда с деньгами, с планшетом и крутым мобильником. Да и секция самбо сказывается: наглеет просто на глазах. Всё ему хотелось первым среди пацанов стать. Недавно ещё двое друзей от меня откололись, всё ближе к Тёмке жмутся, будто их кто-то обижает и они ищут защиты. У меня, конечно, нет секции единоборств, хотя большой теннис – тоже неплохо, под правую руку лучше не попадайся. Я терпел выходки и мелкие пакости соперника, старался не реагировать на них. Но в мае – полный облом в наших отношениях случился.

Учится в нашем классе новенькая девочка, переехала в город с родителями, папа – военный, служит в гарнизоне. Зовут её Екатерина. Я первый познакомился с ней, спросил, можно ли называть её Катя. Она согласилась. Потом подрулил Тёмка, начал выступать, назвал её Кэт. Девчонка страшно красивая, но стеснительная, не отшила спортсмена сразу, и, по-моему, даже заискивала перед ним. Вот это меня огорчило: ну, какая она Кэт, и что за чушь несёт Артём? А она слушает... Я не стал вмешиваться в разговор, отошёл к ребятам на баскетбольную площадку.

Девчонки не больно-то приняли новенькую, и она всё больше одна оставалась или с Тёмкой, слушала музыку из мобильного. Со мной хорошо разговаривала, но коротко, старалась побыстрее уйти. А я начал потихоньку скучать без неё, мне хотелось подольше побыть с ней, погулять по набережной, зайти в павильон с мороженым, сходить в кино. Не тут-то было, за ней приезжали отец или мама и увозили из школы: до гарнизона идти почти три километра по лесной дороге.

Артём в глаза смеялся надо мной, его дружки подтрунивали над моим вниманием к Кате. Я не хотел ссоры, отступал, но многие принимали мои шаги за трусость. Всё решилось

в минуту: Артём симитировал падение под учебный стол, схватился за ногу, застонал. Катя стояла рядом, бросилась к нему на помощь. К этому времени в класс зашли почти все ребята, увидели, как Тёмка обнял склонившуюся над ним девочку и стал целовать прямо в губы. Она пыталась вырваться, но сильные руки крепко держали её.

Я, не раздумывая, схватил его голову и сильно ударил по железной ножке стола. Артём взвыл от боли, Катю отпустил, быстро встал на ноги и пошёл на меня мелкими шагами, пританцовывая. Руками искал моё туловище, ухватил руку, сделал обманное движение, потом – подсечку, и я грохнулся затылком об пол. Круги перед глазами, но боли не чувствовал, вскочил, тоже сделал обманное движение и его челюсть очутилась у моей правой руки. Летел он метра три, плохо приземлился, ударившись о батарею отопления под окном. Когда я выходил из класса, он всё ещё лежал на полу. Катя шла за мной, в коридоре нас встретила учительница английского языка Бэлла Наумовна, спросила, что это мы разгуливаем. Катя стала быстро говорить о том, что произошло. "Ладно, – сказала англичанка, – пошли в класс, пока никому не говорите об этой истории..." В общем, учительница помирила нас с Артёмом, внешне вполне пристойно получилось, даже родителей не пришлось вызывать в школу. Так, повздорили двое из-за девочки, с кем не бывает?

Я чувствовал себя вполне уверенно, точно не боялся самбиста, знал, что смогу дать отпор. Меня смущала Катя: то ли она так испугалась за себя и меня, что, волей-неволей, опять стала заискивать перед Артёмом. То ли она влюбилась в него и ей не хотелось терять его внимания. Она просто тянулась к нему, искала глазами на переменах, бежала на зов, как собачка-дворняжка. А мне было какво? Я ведь, кажется, влюбился в Катю: думал о ней в школе, особенно дома и даже на тренировке в спортзале. За рассеянность уже не раз получал втык от тренера. Он сказал:

– Саша, что с тобой? Встряхнись! Уж, не влюбился ли ты?

По успеваемости меня признали первым, Артём по итогам за пару контрольных и годовой диктант отлетел на пятое место. И что самое позорное для него: впереди оказались аж три девчонки. Хотя, в принципе, успеваемость в классе всем была по барабану. Перебиваются "so-so" на тройку и замечательно живут. Балдеют за планшетами, покупают в складчину новые версии игр, в общем, всё "ok". Но учебный год кончался и родителям не всё равно, как наша успеваемость.

Я слышал, у Артёма с отцом, владельцем ярмарки бытовой техники, был большой скандал, не ожидал тот, что сын вылетит из отличников. Катю, в связи с частыми переездами, не аттестовали, за лето предложили сдать экзамены по математике и русскому языку. Она подошла ко мне, попросила подготовить её к переэкзаменовке. А я уже знал, что уезжаю с отцом к деду и довольно скоро. Но пообещал и в этот же день мы просидели в библиотеке школы больше двух часов. Я сказал, что нужен репетитор, но по её реакции понял, что денег в семье нет. Кстати, это можно было понять по старенькому "Жигулёнку", на котором родители приезжали за ней в школу. Я предложил свои накопления на ноутбук, около десяти тысяч рублей. Она отказалась, без продолжения этого разговора.

На последнем занятии учителя приходили, в основном, чтобы попрощаться с нами до осени. Артём сидел сзади меня, крутил в руках какой-то старенький планшет. Когда самая строгая в школе учительница Леокадия Ивановна (кличка Лика), подходила к моему столу, он буквально подбросил мне планшет. Я глянул на экран, опупел: одни голые женщины. Учительница сказала, посмотрев на меня:

– Не можете даже на прощальный урок придти без компьютеров, – и тоже опустила глаза на экран.

Что было дальше? Лучше не рассказывать. Папа вроде бы поверил, что меня подставили, а мама до сих пор считает, что я мерзавец. Тяжело было, особенно в первые день-два. С Артёмом разбираться – бесполезно: он открестился не только от планшета, но и сказал, что я посто-

янно показываю всем пацанам в классе картинки из женского душа. И вскоре улетел с родителями в Турцию. Не знаю, если бы не отец, ходивший к директору, что со мной было: наверное, отчислили бы из школы. Но про драку с Артёмом из-за Кати я не сказал ни слова. Может быть, и зря: ноги отсюда росли, без сомнения.

Вот с такими мыслями я прилетел к деду Николаю. Сказал, что мне очень надо с ним поговорить, один на один. После обеда, когда баба Таня прилегла отдохнуть, мы с дедом ушли на реку, к причалам. Тишина стояла послеобеденная, знойная, молчали лодки, не шли по руслу пароходы и баржи. Только волны тихо плескались о деревянные сваи. Рассказал я деду эту печальную историю, и впервые мои родственники узнали про драку.

– Ты чувствуешь себя победителем? – почему-то спросил дед. Ответил я сразу, не раздумывая:

– Конечно! Все это видели и признали. И я не боялся и не боюсь его, хотя головой врезался прилично.

– Ну, одно это – уже хорошо... А как Катерина отреагировала на обвинения с планшетом в твой адрес?

– По-моему, поверила мне... Да все поняли, что Артём сподличал, подбросил чей-то старый планшет. Одна Лика, ну, учительница, ничего не хотела слышать, кричала, что за порнографию можно и срок тюремный схлопотать.

– Понятно, – не спеша, сказал дед, – хорошо, что отец верит тебе. Я тоже верю тебе, на сто процентов. А с папой я поговорю, чтобы он убедил маму оставить тебя в покое. В знак полного доверия, я, как и раньше, оставляю тебе компьютер без ограничений и запоров на программное обеспечение. С игровым диском разбирайся сам, там столько всего, что на пять каникул хватит... Второе, теннис хорошо, но придётся накачать мышцы, надо хотя бы раз-два в неделю походить на бокс или дзюдо, последнее даже лучше, на мой взгляд. Третье, нехорошо совать человеку под нос деньги, это обижает, мало ли причин у него может быть на этот счёт. Ты Катю, несомненно, обидел, надо найти повод, чтобы исправить свою ошибку. Лучше самому позаниматься с ней...

– Дедушка, так у меня времени не оставалось, уже билеты на самолёт лежали, чтобы лететь к вам, всё было распланировано по часам.

– Понятно, тогда бы объяснил, думаю, она поняла бы и не остался на душе осадок. Или бы попросил отца перенести вылет на недельку...

– Представляю реакцию мамы, у неё тоже билеты лежали: ко второй бабушке лететь с Дашкой.

– Поговорил бы с отцом, может, он и понял бы тебя, как мужчина мужчину, придержал бы вылет.

– Да, ты, наверное, прав. Зря я сделал из этой истории слишком большой секрет, с папой даже не поговорил, думаю, он бы меня понял.

– Даже не сомневаюсь, – сказал дед, встал со скамейки, взял меня за руку и направился к большущей моторной лодке "Доре", причалившей ко второму, нижнему, ярусу причалов. В ней сидело четверо профессиональных рыбаков, вернувшихся с утренней путины. Всё дно лодки – завалено рыбой: судак, сазан, лещ, несколько гигантских щук... Тут же по рыбе ползали крупные раки, тёмно-коричневые с седыми пятнами-проплешинами на панцире.

Когда возвращались домой, неся на самодельном кукане приличных размеров щуку, а в пакете – пяток гигантских раков, дед сказал, что мои проблемы растают словно дым от костра. Но предупредил, что мстить Артёму не стоит, может, он уже и сам пожалел, что сделал такую подлость. Ещё сказал, что внимание девочки надо заслужить и что она должна в безопасности себя чувствовать с тобой. "Ты в школе первый её защитник, а потом уже – семья и все остальные", – добавил он.

С бабушкиного мобильного, древнего, как Русь, я позвонил Кате по её домашнему номеру телефона. Я ушёл на второй этаж, выбрался на крышу и мы здорово поговорили. Ей разрешили сдать экзамены в конце августа, экстерном. "Если папу опять не бросят куда-нибудь на край земли, – пошутила она совсем невесело, – то в сентябре увидимся..."

Я сказал:

– Давай в сентябре сядем за один стол, я буду помогать тебе, а ты мне?

– Конечно, я мечтала, что ты скажешь мне эти слова... Звони, а пока – до осени, до встречи за одним столом.

У меня наступило время замечательного настроения. Улыбалась бабушка Таня, большой палец показал дед Коля, а в медном тазу для варенья, куда поместили раков, они, похоже, для меня устроили целое представление: заползали друг другу на спины, пытаясь добраться до высоких краёв, шуршали панцирями и даже щёлкали клешнями. Я предложил:

– А давайте выпустим раков на свободу?

Решили: пусть поживут до утра, всё-таки второй раз идти на реку – далековато. Дед принёс старое корыто, налили из бочки дождевой воды (без хлорки) и выпустили раков в плавание.

А я сказал, один на один, деду:

– Спасибо, дедушка, с тобой очень хорошо и легко жить.

Он, улыбаясь, ответил: "Цыплят по осени считают, а?"

Глава-5.

Отец – строгий, но мы с Дашкой любим его, потому что он почти всё время с нами. Он работает дома с ноутбуком, планшетом и мобильником. Дверь в комнату не закрывает, говорит: наши голоса лучше помогают добывать хлеб. Иногда, редко, он срывается, кричал, что ему надоела вся эта чертовщина с "коммуникациями, конъюнктурой и вкусовщиной". И что он сдохнет от этого ремесла, так ничего и не сделав путного. Он доставал из холодильника баночное пиво, потом приезжал друг, они весь вечер курили и спорили "за жизнь". Когда мы уже спали, он вызывал такси и отправлял друга домой. А утром папа нас будил, мыл, кормил, одевал и развозил в садик и школу. И всё время говорил: "Тише, не будите маму, пусть поспит..."

Я уже после первого класса хожу из школы домой один: десять минут, две остановки на маршрутке. Иногда за мной заходит мама, тогда мы отправляемся на набережную, раньше времени забираем Дашку из садика и едим мороженое в кафе. Мама пьёт кофе, не курит, хотя ей, наверное, страшно хочется, но она дала слово папе и держит его. А что с другим её обещанием делать, я пока не знаю. Вот сегодня зашли в кафе, усадила нас за столик, говорит: "Посмотрю, может, маленькие шоколадочки есть..." – и направляется к бару. А бар – это большущий прилавок с фужерами, рюмками и бутылками, тихая музыка, официант, улыбающийся всем. Я вижу, как она опрокидывает в рот рюмку, наверное, с водкой. Берёт с прилавка шоколадку, дожидается пока официант нальёт в пузатый фужер коричневую жидкость и идёт к нам. Дашка начинает канючить:

– Мамочка, дай и мне попить глоточек!

– Ты уже и пить захотела? – немножко раздражённо спрашивает мама, – а я думала заказать сок, когда съедите мороженое. Потерпи, сейчас я сделаю заказ... – и снова идёт к бару, выпивает ещё одну рюмку водки, говорит громко:

– Вместе с мороженым подайте и сок, – к нам не подходит, направляется в туалетную комнату. "Щас будет курить, – угадываю её желание, – тайком, уже не может без сигареты".

Пока я смотрел на маму, Дашка наклонилась к фужеру, подняла его двумя руками и сделала глоток. "Господи, – подумал я, оборачиваясь к сестре, – что за визг?" Глаза её наполнились крупными слезами, рот открыт, воздух глотает, как рыба, выброшенная на берег. Я отломил

кусочек шоколада и сунул ей на язык, подальше, чтобы она не смогла выплюнуть. Замолчала, смотрит на меня дикими глазами, облизывает губы будто шершавым языком.

– Это лекарство такое противное... – объясняю спокойно, и уже более сурово, – не лезь никуда без спроса, отравиться можешь. И маме не говори, что хлебнула из фужера. Иначе – попадёт, накажет она тебя!

Мама увидела вскрытую шоколадку, разделила её на троих, себе взяла маленький кусочек, положила в рот и запила жидкостью из фужера, наверное, коньяком. Заметила, как мы внимательно смотрим на неё, подняла брови, чуть качнула красивой головой с белыми волнистыми волосами, спросила:

– Что-то не так, милые мои?

Я заметил, что у неё слова становятся длиннее, понял, что это опьянение, но пока ещё лёгкое. Тут же сказал, чтобы соседка моя по столу не ляпнула что-нибудь:

– Жарко, мам, пойдём на набережную, к реке...

– Хочу на аттракцион! – выпалила Дашка, – и селфи хочу с собачкой, ну, с той, с которой дяденька даёт фотку сделать...

– Мороженое и сок несут, ешьте, не спешите, у нас много свободного времени, – сказала мама и пододвинула к себе вазочку с зелёным шариком из фисташки.

Ели молча, у меня почему-то совсем пропал аппетит, сок я даже не допил. Было очень тревожно за маму, вспомнил, как весной мы еле дошли до дома, хорошо, помог старый папин товарищ с работы. Он уложил маму в постель, дождался отца, они сели в его комнате, а дверь, по привычке, осталась открытой. Папа сказал:

– Её спасает сон, она сейчас проспит почти день. Потом я приведу её в норму: аспирин, кофе, минералка, душ... Но вообще-то – это беда. С ней нередко оказываются дети, их можно потерять...

– Надо её работой занять, реши, наконец, эту проблему, – как-то резко сказал папин друг.

– Она – отличный биолог, с аспирантурой, практически из-за детей и меня потеряла профессию. Ты прав, Жора, спасибо, за помощь. Прошу, никому: это навредит и Юльке, и семье.

– Юр, ты меня знаешь не первый год: давай возьму её в науку, в издательстве ни одного специалиста-редактора такого профиля, – сказал папин товарищ.

... Я очнулся от маминого голоса:

– Саша, сходи с сестрой в туалет, вымойте рот, пописайте, а я пока расплачусь с барменом, – сказала мама, не глядя на нас. "Значит, ещё выпьет водки, – подумал я, – а может, и покурит. Так, надо повнимательнее быть", – лихорадочно заработала мысль.

– Саш, а у тебя яички, как у собачки? – спросила Дашка, сидя на унитазах, который я протёр бумажным полотенцем.

– Даш, ты – дура, что ли? – отвечаю, кстати, не первый раз, – не смотри на меня, это писсуар для мужчин...

– А разве ты мужчина уже? – она вытерла бумагой писулю и пошла мыть руки. Я, как мог, помог ей, но детского умывальника здесь не было.

Маму мы увидели на улице, как обычно, она спросила:

– Руки помыли? Хорошо, молодцы. Идём домой, а по дороге – парк аттракционов...

По длине произнесённых ею слов я понял: мама на пределе. Сказал солидным голосом:

– Домой пора, уроков – море разлитое... Давайте на маршрутку сядем, через пять минут – дома.

Даша стала канючить, ей собачку приспичило повидать. Мама потрепала меня по волосам, сказала:

– Доставь нам удовольствие, поиграй с девочкой на аттракционах, а я посижу на лавочке, полюбуюсь на вас.

Мы увлеклись немного: Дашка попросила покачаться на качелях, потом был корабль с красивыми парусами и рулевым устройством, лабиринт из труб, в котором чередовались спуски и подъёмы... В общем, когда мы подошли к маминой широкой лавке с высокой спинкой, она спала, её подбородок лежал на груди. Сумочки в руках не было. А там и деньги, и телефон, и, главное, ключи от квартиры. Я сделал вид, что ничего не произошло, сказал сестрѣнке, чтобы она помолчала: мама устала, весь дом без нас перемыла, пусть поспит, а папа сейчас приедет за нами.

Даша нашла веточку, присела на корточки, стала что-то рисовать на земле. По своей клавишной "Нокии" я дозвонился до отца, сказал тихо, чтобы не слышала сестра: "Пап, мы у парка аттракционов, мама спит, сумочки нет... Приезжай скорее". Он попросил поискать сумку под лавкой, она могла и упасть. Увидел её под ногами у мамы, достал, осмотрел, нашёл ключи, кошелёк с деньгами. Всё это время отец ждал на телефоне, потом сказал:

– Сидите рядом с мамой, как ни в чём не бывало, не подпускай к ней никого. Я – скоро буду. Держись, сын!

Даша рисовала зверюшек, я присел справа от мамы, взял её руку, положил себе на колени. Я знал, что в обиду её не дам, отгону любого, пусть только посмеет кто приблизиться. Но мне страшно становилось от мысли, что именно сейчас могут подойти люди из нашего дома или, тем более, друзья-одноклассники. Что тогда делать? Мысленно звал отца, просил его приехать, как можно скорее. Почему-то вспомнил поездку с папой в дальний район области. Там пришлось заночевать у местного фермера, пузатого говорливого дядьки, построившего в деревне, на пересечении дорог, "мотель". Запомнил старый плакат для шофѣров, вывешенный в столовой на самом видном месте: девочка прижимает к груди куклу, лицо испуганное, в глазах – крупные слезинки. Внизу – подпись: "Папа, не пей! Ты – за рулѣм!" Я подумал уже сейчас, сидя на лавочке: вот если бы мы купили маме машину, то у нас всё бы было в порядке. Боялся произносить слова "пить – не пить", просто вдруг поверил, что с купленной для мамы машиной у нас всё было бы хорошо.

Отец привѣз нашатырный спирт, быстро привѣл маму в чувство, попросил меня не отпускать Дашу ни на шаг, и все четверо пошли к машине. Мама еле передвигала ноги, что-то бормотала себе под нос. Но вела себя тихо, не выступала и не ругалась с папой. Я нѣс её сумочку, ключи переложил в карман, второй рукой крепко держал сестрѣнку. Она устала, притихла, наверное, поняла, что с мамой не всё в порядке, поэтому ей лучше помалкивать. А я рассуждал сам с собой и не мог понять, как человек может пить вино, такую мерзкую гадость. Как бы поговорить об этом с папой, послушать, что он скажет, чтобы на душе стало спокойнее. Я был уверен, что у нас всё будет хорошо, вот только проспится мама, мы купим ей машину, и она забудет кафе-мафе, бары-шмары. И ещё думал я: надо поговорить с дедушкой Колей, рассказать ему обо всех моих тревогах. Но тогда я подведу папу, ведь он его сын, и отец будет его ругать.

Вечером, когда мы смотрели мультики, по скайпу вышли на связь баба Таня и дедушка Коля. Папа, поговорив совсем немного, развернул планшет на нас, и мы по очереди отвечали на их вопросы. Я очень боялся, чтобы Дашка что-нибудь не ляпнула. Но она лишь сказала, что мама устала и спит, потому что мы долго играли в парке аттракционов. Дед приглядывался ко мне внимательнее обычного, спросил: "Саша, у тебя всё в порядке? Точно у тебя ничего не произошло?"

Я сказал:

– Всё "ok", есть хорошие отметки, нормальные тренировки, но есть и вопросы, которые меня беспокоят. О них мы поговорим при встрече...

– Опять про космос? – пошутил дед, но мне показалось, что он понял, как мне не до шуток.

– Расскажу, когда-нибудь... – ответил я.

Дед промолчал: что можно сказать по скайпу. Потом папа отправил нас на кухню пить молоко, и мы слышали, как два отца разговаривали на повышенных тонах.

Глава-6.

Раджан или попросту Радж был не только сыном хозяйки дачной усадьбы, он заправлял мальчишками всей улицы. Мама у него – местная южанка, отец – индус, торговец компьютерной техникой. По-русски говорил плохо, сына выучил английскому, что никак не давалось его жене. В то лето мы – папа, мама, Дашка и я – снимали у них флигель вместе с тремя другими соседями. У нас приличные условия были, а одна семья жила в зимней бане, ещё две – в комнатах на втором этаже дома, имевшего столетнюю историю. На первом – с кухней, ванной и туалетом – обитали Радж с мамой, отец, занятый торговлей на рынках, почти постоянно находился в городе. Худенький, даже щуплый, он казался в два раза меньше своей жены, почти двухметровой наследницы купеческих владений: дом с дореволюционных времён принадлежал её прадеду.

Поскольку мой папа тоже занятый человек, работавший в те времена сутками напролёт, а мама возилась с моей маленькой сестрёнкой, то я довольно часто жил сам по себе. Радж ценил меня как полезного и свободного для контактов человека. Но, тем не менее, терпеть не мог меня на улице, поскольку я ни в чём не давал ему спуска, не только сопротивлялся его командирским замашкам, но довольно успешно высмеивал его глупые фантазии перед пацанами. Мускулами он был в отца, проигрывал мне не только мозгами, поэтому постоянно натравливал на меня уличных "солдат-дуболомов Урфина". Попадало ли мне? Ещё как, особенно, когда объединялись двое или трое из них. Мама замечала мои синяки и шишки, жаловалась папе, тот обнимал меня вечерами, в свободную от работы минуту, выслушивал какие-то мои небылицы и говорил: "Ничего, сын, до свадьбы заживёт..." Нет бы прошёлся со мной по улице туда-сюда (а он – высокий, широкоплечий), просто бы прошёлся, и то я, думаю, у многих бы отпала охота приставать ко мне. Но он приезжал домой так поздно, что все пацаны давно видели пятые сны.

Радж классно знал комп, отец менял ему планшеты, мобильники и ноутбуки, как носки марки "неделька". Правда, техника была не новая и имела какую-то, без сомнения, криминальную историю, но не пойман – не вор. Второе, чем владел русский индус, как факир, игорными картами. Обыкновенными, какие я видел у дедушки Коли и бабы Тани. Мы иногда вечерами, в каникулы, играли в "подкидного дурака". Радж знал приёмчики, когда карты выскакивали именно те, которые нужны были для подсчёта очков. Он обыгрывал партнёров не только в "дурака", за что тоже брал деньги, но частенько играл с мальчишками в "очко", "тысячу" и даже пытался научить их игре в "покер", но безуспешно, мозги у тех никак не включались. Тогда он обыгрывал их на деньги в шашки, шахматы и даже в настольный теннис.

Играли в карты, как всегда, на берегу мелкой, но стремительной речки, на небольшом мысочке, спрятанном от посторонних глаз высоким камышом. Перед выходом на реку я стоял на веранде дома Раджа, видел в открытые двери, как он подходил к большущему дивану, выдвигал на полметра нижний ящик, вытаскивал оттуда две или три пятисотрублёвые купюры и с усилием задвигал его назад, скрипя колёсиками. Диван тоже был старинный, купеческий, смастерили его ещё до отечественной войны. Он насколько раз предлагал мне стать его помощником, чтобы овладеть знаками обозначения: например, увидев козырного "туза" у противника, я должен почесать нос, "короля" – ухо и тд. Но я отнекивался, а потом сказал категорически: "Нет". Это его насколько не расстроило, по-моему, он нашёл помощника и без меня. Но я уверен, выигрывал бы он всегда: в карманах, в загнутых рукавах рубашки, под ремнём брюк – везде у него были спрятаны карты.

Короче, я принёс ему из копилки почти десять тысяч рублей, он спокойно засунул их в потайной карман джинсов, сказал:

– Не вздумай жаловаться, играли честно, а карточный долг порядочные люди всегда отдают, – и добавил, – читай классиков, Сашок...

Что было делать? Отцу не мог сказать о своём горе, по крайней мере, почти неделю он был не в том расположении духа, что-то на работе не ладилось. О маме я просто молчу: она бы сума сошла, если бы узнала, что её сын играет в карты. К счастью, о копилке меня давно уже никто не спрашивал, наверное, ждали моего дня рождения в середине лета, чтобы подбросить ещё немного денег. Именно в это время на пару дней заскочил к нам дедушка Николай: он один отдыхал в сердечном санатории, недалеко от нас. Мы гуляли с ним по берегу речки, кроме пескарей, вьюнов да уклек здесь не водилась другая рыба, поэтому даже не стали снаряжать удочки. Он спросил о житье-бытье, сказал, что они с бабушкой не смогут приехать на мой день рождения: для пенсионеров накладно стало ездить на дорожных ныне поездах. Позвал меня и Дашу в гости на новогодние каникулы, сказал, что на реке расчистят каток с освещением.

Я бодрим голосом попытался рассказать, что у меня всё в порядке, но на его вопрос о копилке для компа вдруг ни с того ни с сего взял да и пустил слезу. До сих пор стыдно вспоминать, но уж лучше деду всё рассказать, чем отцу с матерью. Он попросил незаметно как-то познакомить его с хозяином домашнего Лас – Вегаса. Короче, на ловца и зверь бежит: Радж приперся после завтрака, когда мама увезла Дашу в парк, отец уже уехал на работу, а мы с дедом играли на веранде в шахматы. Потом собирались на футбольном поле пансионата для черныбыльцев попинать мяч, олимпийский, привезённый дедом из столицы.

– Здравствуйте, молодой человек, – дружелюбно приветствовал Раджу дедушка, – мне о вас много интересного рассказали. Вы прекрасно в карты играете, всю улицу, если не весь посёлок, обыграли...

– Чё, верите-то! Врут все! Вот с Сашком любим в шахматы сразиться, но он слабоват против меня, проигрывает...

– Слышал, что в шахматы и на денежки играете? – перебил его дед, – может, составите компанию? У меня тысяча завалилась после отпуска. Ставлю её на кон. А потом, молодой человек, если проиграете, принесёте все деньги Александра, которые он почти два года копил на ноутбук. Если выиграете вторую партию, я вам отсчитаю ровно десять тысяч рублей. А ещё честнее будет, если и вы денежки принесёте прямо сейчас...

Радж молча вышел с веранды, сходил в зимнюю баню, вернулся с железной коробкой из-под советского монпансье. Там лежала часть скопленного от карточных игр капитала. Когда дед выиграл у него партию, примерно, на двадцатом ходу, (я так волновался, что даже не помню все ходы), индус отсчитал десять тысяч и, отдав их дедушке Коле, сказал:

– Вторую партию не играем и сдачи не надо. Учись, Сашок, у своего деда. А ноут, как хорошему соседу, я закажу тебе у отца, подешевле будет, но в надёжности не сомневайся. Желаю, значит, дедушка Коля, много здоровья. Мне бы так научиться играть в шахматы... Я бы всех пенсионеров на сквере обчистил, хи-хи-ххи, – тоненько засмеялся он, закрыл яркую крышку железной банки и пошёл к укромному местечку в зимней бане, где держал схрон. Дедушка молчал, передал мне деньги, сверху положил сэкономленную им в отпуске тысячу.

– Итак, ты не играл – не проигрывал, – сказал он, усаживаясь на ступеньки веранды, – это болезнь, сынок. Она ещё аукнется и твоему соседу, и всем, кто с ним связан. Один мой хороший знакомый проиграл всё, оставалась только его никчемная и никому ненужная жизнь. Он, действительно, никому не был нужен, даже его детям...

Когда мы пошли на футбольное поле, я крепко держал деда за руку. У него была жёсткая и очень холодная ладошка. Я загадал: если она согреется раньше, чем мы дойдём до пансионата, дедушка проживёт долго-долго. Ладошка не согрелась...

Даша разболелась, мама осталась с ней дома, а мы с отцом полетели на похороны деда. Я не понимал ещё до конца, что произошло. Не знал, что обозначают слова "смерть человека", за мою жизнь у нас никто не умирал. Папа говорил с бабушкой Таней по телефону (она не захотела включать скайп), продолжая держать мобильник в руке, сел на кухне у окна и стал смотреть на хмурое воскресное утро. Долго молчал, потом сказал: "Отец умер, сердце остановилось во сне, мама даже не знала. Но почему... почему так рано... почему?" – он буквально застонал.

Наша мама промолчала, мне всегда казалось, что она боялась и недолюбливала деда. Мило улыбалась при встречах, никогда не говорила о нём с папой, а уж тем более, со мной. Правда, несколько раз сказала, типа: "Ты упёртый, как дед" или "Упаси нас бог, иметь в роду ещё одного чиновника..." А отец не так давно при мне очень серьёзно поругался с дедом: что-то не сложилось со столичной квартирой, где мы все были прописаны, но жили – в съёмной, по месту работы папы. Он кричал в скайп: "Это всё, что долбанное государство дало тебе за труды, та же хрущёба только выведенная на десятый этаж! Как жить там всем вместе, как?" А дед, я хорошо слышал, ответил:

– Никогда, ни у кого ничего не просил и не собираюсь сейчас, уйдя в отставку, этого делать. Когда нас с матерью не будет, тогда полностью распорядитесь ею. Других квартир у меня нет...

– А другие? По две-три квартиры прихватили! – успел буквально крикнуть папа, но дед отключил компьютер. Всё ещё по инерции он продолжал кричать, – упёртый, как осёл: ни получить, ни заработать, ни скопить – ничего не захотел делать. Принципы, видите ли, важнее...

– А я что говорила, – сказала мама, – весь он в этом. Да и ты – хорош, на собственную квартиру не можешь заработать...

Дальше началась откровенная ругань, и я ушёл в комнату. Думал, почему так ведут себя с дедушкой родители, что он сделал им плохого? И почему они не хотят с ним жить, тем более, полгода они с бабушкой – в деревне, на реке, в собственном доме? Ведь на лето они привозят нас с Дашкой к ним, а сами уезжают, куда захотят и не считают это плохим делом. Так и остался для меня вопрос без ответа.

На вечерний рейс билетов давно не было, отцу пришлось идти к начальнику аэропорта, и нас поместили только на утренний. Он позвонил бабушке уже по скайпу, извинился, что раньше не может вылететь, спросил, чем надо помочь, что привезти? Баба Таня, вся в чёрных одеждах, сказала, что ничего не надо, что поминки будут в кафе, а сожжение дедушки, как предложили его бывшие коллеги по работе, она отменила: он давно ещё сказал, чтобы захоронили его в землю. Попросила меня подойти к экрану, увидела, заплакала, сначала платком закрыла глаза, а потом, не выдержала, зарыдала так громко и страшно, что у меня из глаз просто побежали слёзы. Бабушка пыталась что-то сказать и не могла, получалась почти непонятная речь:

– Ма-ма-льчик наш... как он лю-лю-бил... тебя и Д-да-шу... души не ча-ял. Приез-жай скорее, де-ду-шка так много не ус-спел тебе с-ска-зать... Но я всё помню, всё пере-д-дам тебе...

Папа отодвинул меня от экрана, заговорил:

– Мама, мама! Успокойся, береги себя... Мы скоро прилетим, утром встретимся... Я все хлопоты возьму на себя. Ты только не переживай, не убивайся, береги сердце, мама...

Вечер прошёл в сборах: упаковывали огромную сумку на колёсиках, мой походный рюкзак да целую сетку свежей и вяленой рыбы принёс сосед-рыбак, узнавший про наше горе. Папа по компу заказал машину на прокат, её должны подготовить к нашему прилёту. Потом ездил на работу, сказал маме, что у кого-то перехватил сотню тысяч рублей. Мама ответила: вот, опять дети останутся без новой одежды, в чём пойдут в школу и садик. Папа вспылал, сказал, что сейчас завалит её совершенно приличной одеждой и обувью, какую уже не вмещает ни одна антресоль. А потом меня с простуженной Дашей отправили спать.

Она несколько раз спрашивала про дедушку Колю, которого просто обожала, и всё не могла понять, как умирают люди, зачем и почему они это делают. Но уснула быстро, хотя слышала плач бабы Тани, разговор с ней отца, переживала, наверное, от того, что ничего не может понять. А как ей объяснишь? Вот был дедушка Коля и вдруг его не стало, положат в гроб его, заколотят гвоздями и опустят в могилу, глубокую яму, засыпят навечно землёй, и мы больше не увидимся никогда. Никогда? Мне вдруг так страшно стало от этого слова, что я не мог лежать в кровати, встал, на цыпочках, чтобы не разбудить сестру, подошёл к окну, сначала облокотился, а потом с ногами забрался на подоконник, стал размышлять, глядя на ночные фонари и чёрные контуры старых пирамидальных тополей. Я видел фильмы с мертвецами, похороны всякие вспоминал, но я не мог представить деда в гробу, не мог: сразу першило в горле и носу, из глаз снова текли слёзы.

Дверь открылась, вошёл отец, поправил одеяло на Даше, потрогал её голову, направился к окну, обнял меня, поцеловал в лоб, стоял и молчал. Потом прижал к груди, заговорил тихо:

– Как тяжело, сынок, так тяжело... С этой дурацкой квартирой я довёл отца до могилы. Не иди на поводу у крика и эмоций, никогда. Дед так много пережил, был под следствием в 91-м году, изгнан со всех должностей, стал инвалидом с двумя перенесёнными инфарктами. Вот так отблагодарило его новое правительство за службу государству. Ох, папа, дорогой ты мой! Уже давно никто так не живёт, как ты пытался жить в стране, где деньги решают всё. А у тебя их никогда не было, а могло быть и очень много... Что сейчас говорить об этом? Но ты должен знать, Саша: я очень любил твоего деда и своего отца, я никогда его не предавал, он всегда был моим другом. Помни об этом, сынок. А сейчас давай спать. Помнишь, баба Таня рассказывала тебе сказку про Бабая: придёт, узнает, что ты не спишь, засунет в мешок и унесёт с собой. Бабушка учила детей в селе русскому языку, там и нашёл её дед Николай. Вот, похоже, и за ним пришёл Бабай. Только этот не вернёт его обратно...

Хоронили деда Колю на обычном кладбище, чем страшно были возмущены его сослуживцы. Правда, их было совсем немного и говорили они о Новодевичьем или, на худой конец, о Ваганьковском кладбищах. Но баба Таня молчала, ничего не объясняла, сказала лишь какому-то представителю правительства со странным именем – Бабай Константинович: "Так захотел Николай. Я лишь выполнила его волю. Если вы пройдёте здесь вдоль забора, то увидите могилу первого и последнего премьер-министра страны, ему тоже, в своё время, не нашлось места в престижном пантеоне... Об этом мой муж помнил всю оставшуюся жизнь".

Говорили речи, немного и недолго, пошёл мелкий, почти грибной дождь, саван на лбу деда намок, охлаждал мои губы, когда я целовал его, прощаясь навсегда. Меня крепко держала за руку баба Таня, она будто боялась, что я потеряюсь в толпе прощавшихся. Священник быстро и монотонно читал над дедом молитву, потому что он был крещённый, как и я, крестившийся в знаменитом Угличском монастыре. Когда уже закапывали могилу, к бабушке подошла её подруга по дому, сказала:

– Таня, дорогая моя, поплачь, не держи в себе, это плохо может кончиться...

Бабушка ответила:

– Проводим всех, останемся, Маруся, с тобой вдвоём, да ещё Саша с нами, вот, тогда и поплачем...

Подошёл представитель правительств, выразил соболезнование, добавил:

– Можно, пройду с молодым человеком по аллее? – и посмотрел на меня, – я верну вам внука, Татьяна Васильевна, не пройдёт и пяти минут...

– Меня зовут Бабай Константинович Доброволин, – сказал он, как только мы отошли от могилы, – по маме – я татарин... Всё остальное – неважно. Кстати, можешь звать меня Бобо, так проще. Сколько тебе лет? Двенадцать... Когда подрастёшь, будешь звать меня Боб... Ты знаешь, Саша, я очень многим обязан твоему деду, да честно сказать, это он меня сделал большим человеком. Слушай меня внимательно: вот моя специальная визитка, спрячь её, там

мой домашний телефон, он, обычно, не меняется. Можешь звонить в любое время. Я помогу всем, чем смогу. А ты знаешь, что очень похож на своего деда? Он был кристально честным и порядочным человеком, жил на одну зарплату, хотя создавал для других империи из новых газет и журналов... Итак, про нас, живых: за тобой – нужен хороший присмотр. И я готов это сделать. Помни о нашем разговоре. А сейчас пойдём к бабушке, она уже волнуется. И, пожалуйста, никому ни слова, а то придёт Бабай и унесёт тебя в мешке... – он улыбнулся.

– Да, – сказал я, – он уже унёс дедушку. И это – навсегда... Что же вы не защитили его? Где вы были и как это допустили?

– Какие вопросы, речь – не мальчика... Давай поговорим, когда пройдёт траур. Или лучше, когда ты немного подрастёшь. Обещаю, я всё тебе расскажу, ты, конечно, должен знать о своём дедушке... Идём к бабе Тане? Береги её, Саша.

Папа совсем позабыл про меня, крутился, как белка в колесе: платил деньги священнику, спорил с могильщиками, измерял землю для будущей ограды, рассаживал всех в автобусе и по машинам. Бабушку и меня посадил в прокатную машину, и во главе колонны мы поехали в кафе. Туда прибыло ещё меньше народу, стол для поминок не заполнился и наполовину. Я сел слева от бабушки, рядом со мной – папа. Снова говорили что-то хорошее про дедушку, пили вино, ели холодные закуски и большие бифштексы.

Я совсем не мог есть, ко мне потихоньку подкрадывалась тоска: вспоминал, сколько удочек было у нас с дедом, о чём мы говорили на рыбалках, как он изображал героя фильма "Неоконченная пьеса...", смешно бежавшего по обрыву над рекой, как играли в шахматы и как он учил меня записывать ходы, про Кузю и схватку лягушки с ужом... "Господи, – думал я, держа в своей руке под столом руку бабушки, – а ей-то теперь как жить? Что она будет делать без своего Коленки?" В мозгу зрела одна мысль: надо пожить у бабы Тани столько, сколько ей будет хорошо со мной. "Школа есть у дома, мне не надо репетиторов, особых режимов и особого питания, теннис подождёт... – уже не мог думать ни о чём другом, – главное, я буду рядом с ней, нам будет веселее вдвоём. Надо поговорить с отцом. Но вперёд – поговорить с бабушкой"

Наклонившись к худенькому плечу бабы Тани, я дотянулся до уха и стал шептать:

– Хочу сделать предложение, думаю, оно тебе понравится...

– Хорошо, мой мальчик. Потерпи до дома, там и поговорим...

Она крепко сжала мою руку под столом. "Дома, так дома", – подумал я и мне стало намного легче. Я был уверен, она скажет "да".

Глава-8.

Мама, конечно, слышать не захотела о моей жизни у бабушки. А отец не смог сам решить простой, на мой взгляд, вопрос, начал звонить ей, советоваться, потом отослал меня на кухню к бабе Тане и по скайпу говорил один. Но я слышал, как мама довольно строгим голосом учила его: надо поговорить с бабушкой о возможном переезде нас – её, папы, Дашки и меня – в дедушкину квартиру. Папа молчал, лишь сказал: время траура не для таких разговоров и что у бабушки будут свои взгляды на эту проблему. Мама стала его ругать, ну, упрекать опять же, что он ничего не может решить сам.

Я прошёл на кухню, увидел, что бабушка сидит у окна, смотрит на улицу, а глаза у неё ничего не видят. Дом был старый, наверное, с дырками, и разговор папы с мамой она слышала не хуже меня. Почему-то совсем не отреагировала, когда я прижался к ней, положил руку на плечо и стал целовать в голову, закрытую чёрным, пропахнувшим церковным воском, платком. Она третий день после похорон дедушки Коли ходит в церковь, молится. Мы с папой тоже раз пошли с ней, в церкви было интересно, но тоскливо: дома и на улице ещё как-то забываешь о деде, а там он весь перед тобой. Будто стоит рядом с иконой Николая Чудотворца (первый

раз я увидел её в музее), но спиной ко мне, вроде бы хочет повернуться и посмотреть, а не может... Я ошибаюсь, наверное, от этой тоски везде вижу дедушку.

Наконец, бабушка поняла, что я рядом, наклонила мою голову и, поцеловав в лоб, сказала:

– Ничего, сынок, ничего, мой маленький, я выдержу и одна, а на Новый год обязательно приезжай. И Дашеньку возьми с собой.

Не зря моя мама зовёт её "товарищ комиссар": бабушка может и виду не подать, как ей тяжело и больно. Но я-то всё вижу. И вдобавок, понял две вещи. Первое: плетью обуха не перешибёшь, так говорит папа о нашей маме. Аргументы у неё железные: ребёнку, особенно в таком возрасте, нужны родители. Потом – школа с экзаменами, теннис, изостудия. Конечно, по её словам, неплохо бы иметь всё это не в провинции, а в столице, но, что делать, утверждает она, нас там не ждут. И второе: мои родители, не разрешив мне пожить у бабушки, притворяются, будто не видят, как тяжело ей сейчас. Это меня огорчает больше всего. Даже больше планов мамы: старую квартиру деда продать, вместо неё купить коттедж на природе, для бабушки – выменять комнату в коммуналке.

Я долго думал, как рассказать обо всём этом бабе Тане, но понял, что нельзя лезть с такими проблемами, это её просто доконает. А как быть? Ведь мы уже упаковали вещи, отец не смог остаться даже на девятый день после похорон: Дашка разболелась. Бабушка, в основном, молчала, со мной разговаривала, но сухо, лишь отвечала на вопросы, которые я пытался задавать, чтобы чуть-чуть расшевелить её. А вечером на домашний телефон позвонил Бабай Константинович, она называла его Бобо. Вдруг сказала, что сын дома и, зайдя к нам в комнату, передала папе трубку. Я понял из их разговора, что речь идёт о завтрашнем дне и что нам, папе и мне, надо встретиться с бывшим помощником деда в кафе гостиницы "Националь".

Думал, пойдём в ресторан с огромными окнами, с разноцветными конями на стенах, будто летящими по воздуху, возле которых мы прогуливались с отцом, дожидаясь Бобо, а попали в уютное, но явно не для всех, кафе с обычными столиками на четверых и шустрым молодым официантом. Помощник шёл уверенно, поздоровался за руку с каким-то мужчиной с бабочкой, тот проводил нас в угол продолговатого зала. Мне заказали мороженое, любимое, фисташковое, и натуральный сок из ананасов, груш и ещё чего-то. Мужчины взяли по чашке кофе. Я мысленно назвал Бобо "министром", ну, это те, кто чем-то руководят в Москве. Он сказал, извинившись больше передо мной:

– Простите, я закурю... Одну и без затяжек, – пододвинул к себе пепельницу, долго мял сигарету пальцами, щёлкнул длинной и тонкой, похожей на золотую, зажигалкой, затянулся, дым выпустил в сторону от меня.

– Вас зовут Юрий Николаевич? – обратился он к папе, – очень приятно. Меня можно называть Бобо. Я много лет проработал или вместе, или рядом с вашим отцом, – посмотрел на меня, – и дедом, сейчас представляю самую большую компанию СМИ (я потом объясню, сказал он мне, что это такое). Мы встречались с Николаем Ивановичем не так давно, к несчастью, он не был готов к трагическим для него событиям, но всё же успел затронуть тему будущего его внука, а это значит и вас, Юрий...

– Мы ни о чём подобном не говорили с отцом, – почему-то резко сказал папа, – это наше семейное, внутреннее дело...

– Конечно, не спорю, но всё же прошу выслушать меня до конца, – в это время официант принёс на подносе заказ. Расставил чашки с вкусно пахнущим кофе, мне пододвинул вазочку с мороженым и бокал тёмно-зелёного густого сока. Бобо помешал ложечкой напиток, отхлебнул маленький глоток, забыв, наверное, положить сахар. Отец смотрел на него, до кофе не дотронулся. А я вдруг сразу понял, о чём "министр" хочет говорить. Дедушка думал о нашем будущем и просил его помочь нам. Да и отец это понял, но почему-то злился и еле сдерживал себя.

Конечно, я не помню всю речь Бобо, расскажу, что уловил. Короче, решением правления, компания приобрела на моё имя пакет акций, более двух процентов. До моего совершеннолетия ими может управлять отец, но с запретом выводить их за границу, продавать и ещё что-то, что связано с непрофильными тратами (Бобо сказал, примерно, так: с одобрения правления, мой папа может приобрести любую недвижимость, но не яхту или самолёт, отправить меня и Дашку на учёбу за границу, не меняя нам гражданства). И ещё важное он сказал: квартиру, в которой живёт наша баба Таня, надо оставить в покое, это её просьба. Она доживёт свой век там, где прошла почти вся её жизнь. В общем, таких условий до моего совершеннолетия получилось довольно много. Может быть, поэтому реакция отца была резкой:

– Знаете что, уважаемый Бобо Константинович, не лезьте в мою семью. Я вас ни о чём не просил и не собираюсь просить. Мы уж как-нибудь разберёмся без ваших акций... И вообще, кто вам дал право так себя вести?

– Да, Юрий Николаевич, мне никто не давал такого права кроме вашего отца. И я лишь пересказал вам содержание юридического документа, который наша компания подписала с Николаем Ивановичем. Это и есть расширенный вариант. Но отец предвидел возможную реакцию с вашей стороны и попросил подработать второй, более короткий, вариант соглашения. А именно: внук, Александр Юрьевич, вступает в наследство по достижении своего совершеннолетия. Всё, никаких больше отступлений и вариантов. Вам здесь остаётся лишь дожидаться взросления сына, а что будет через шесть лет, одному богу известно... И хотите вы или компания, или не хотим мы этого, ничего изменить будет уже невозможно. Выбор за вами, подумайте, посоветуйтесь, с кем считаете нужным, но недолго: свидетельство о смерти отца даёт право немедленного вступления в силу соглашения. И чтобы вы знали, вот приблизительная стоимость акций, – достал маленькую электронную книжку с карандашом на проводе и вывел на листке девятизначную цифру. Мне показалось, что первой стояла цифра два.

– В доллары переведёте сами? – закончил он речь, откинулся на спинку стула, стал пить кофе маленькими глоточками.

Отец побледнел, просыпал на стол песок из пакетика, долго мешал ложкой чёрную жидкость. Я спокойно доедал мороженое, иногда запивая его соком. Вдруг папа сказал:

– Нам надо ехать в аэропорт.

– Я вызвал машину, она будет в вашем полном распоряжении. Вот визитка моего секретаря, звоните в любое время: как владельцу пакета акций, вашему сыну положено обслуживание за счёт компании...

– Дожил, – сказал отец, – становлюсь приживалкой у собственного сына.

– Вы не правы, Юрий Николаевич, вы становитесь своеобразным регентом над сыном, если согласитесь на первый вариант. Думайте, я жду вашего ответа три дня. Иначе в силу вступит второй вариант с итогами через шесть лет...

– Спасибо вам, за всё, особенно, за признание заслуг моего отца: лучше поздно, чем никогда...

– Он всё знал, – перебил папу "министр", – все правила игры, но никогда не отступал от своих принципов, – потом ещё добавил, – система процентов и откатов была не для него, большого государственного деятеля. Сначала мы по-тихому посмеивались над ним и только со годами начали понимать, что такое безупречная репутация.

Домой ехали на "Мерседесе". Водитель сказал, что будет ждать на стоянке у дома, напомнил, что теперь усложнилась процедура контроля, надо приехать в аэропорт пораньше. "Знаем без вас", – пробормотал под нос отец, но вслух поблагодарил его и мы пошли к бабе Тане. С порога он заявил:

– Вот познакомься, мама, привёл миллионера. К восемнадцатилетию, твой внук станет обладателем капитала в двести миллионов, если акции ещё не вырастут...

– Я знаю, – сказала баба Таня, – Николай говорил об этом... Я думаю, он правильно поступил. Тебе надо подписать бумаги первого варианта, с пользой расходовать капитал, который вернули отцу через его внука.

– Не обижайся, скажи: мне он не мог передать эти долбаные акции?! – вспыхнул, почти закричал папа, а мне показал рукой на дверь в кухню.

– Не гони Сашу, – сказала холодно бабушка, – там всё слышно да и он теперь должен знать об этой ситуации. Во-первых, отец не предполагал, что акции так вырастут в цене: он думал завещать их внуку на продолжение учёбы, на непредвиденные обстоятельства. Не дай бог, но на нём тогда остаётся и младшая сестра. Во-вторых, мы столько денег угробили на тебя, начиная с выпускного класса школы и по сей день... – папа что-то хотел возразить, но бабушка не дала ему открыть рта, – вопрос решён! Поставим на этом точку: или ты остаёшься разумным отцом при деньгах сына, или он сам распорядится ими со временем. А сейчас давайте собираться в аэропорт, скоро рейс...

Отец долго кричал о несправедливости родителей по отношению к нему, о том, что внуки руки не подадут им при встрече. На что баба Таня только и сказала:

– Деду уже не подашь руки ни при каких обстоятельствах да и я не вечная, скоро отправлюсь на встречу с ним.

Я ушёл на кухню, туда же перебралась и бабушка.

– Всё уладится, – сказала она, – это честно заработанные деньги, которые дедушка Коля решил передать тебе, как внуку и как брату младшей сестрёнки. А папа подумает, посоветуется с твоей мамой, вернётся и подпишет бумаги. Вот тогда, – закончила разговор баба Таня, – и я буду спокойна за тебя, за Дашу, за вашу семью.

Глава-9.

Мне так нравилась Катя, что иногда от желания видеть её, вдыхать запах школьного рюкзака, из которого она доставала книжки и тетрадки, дотрагиваться до руки или плеча, прикрытого распущенными тёмно-каштановыми волосами, у меня кружилась голова. Она уже так привыкла к моему столу в классе, что останавливалась точно у него, даже если шла спиной, разговаривая с кем-то из подружек. Улыбаясь и показывая ровные белые зубы, шутила:

– Привет, Саня! Ты сегодня такой красивый и серьёзный, что-то случилось?

Недавно она прочитала роман Каверина – "Два капитана", только и рассказывала о нём почти всю неделю, незаметно для всех стала называть меня Саней. Я давно прочитал книгу, но хорошо помнил, что героиню звали Екатерина. Катя, как и обещала, перебралась в классе за мой стол, а поскольку это случилось так давно, то никто и не вспоминал о перемещении новой ученицы. Хотя, какая она новенькая: казалось, что мы вместе уже сто лет. Она по-прежнему жила на выселках, в военном гарнизоне, и мне не очень хотелось вот так сразу отпускать её после школы. Я понял, что и ей не хочется садиться в старенький "Жигулёнок" отца. Тот видел наши прощания, наверное, что-то придумал, в один из дней Катя сказала:

– Мы можем пройтись до последней остановки трамвая, папа или мама будут ждать меня там. Это удобно им, и мы прогуляемся, как говорит папа, мозги проветрим после занятий...

– Классно, – сказал я, не скрывая радости, – а кто у тебя отец?

– Военный... Но я не так много знаю о его службе. Вообще-то он закончил Ленинградский политех, инженер по ИТ. Служил год офицером запаса, из-за жилья (дали новую большую квартиру) остался в армии. А теперь уже и младший брат появился, и папа привык к службе да и мы освоились с переездами. Сейчас он – старший офицер КП, только что досрочно получил звание майора...

– А что такое КП?

– Вроде бы, командный пункт... А я уже поучилась в четырёх школах: в Забайкалье, на Урале, в Заполярье и вот здесь. Я так рада, что встретила тебя, Саня. У меня почему-то нигде не было настоящего друга, как ты. Даже среди девочек: только начнёшь привыкать к школе, как опять переезжаешь.

– Так и здесь, значит, всё может быть ненадёжно? – сказал я, выдав своё огорчение.

– Нет, я поняла: у папы есть перспектива, может до полковника дослужиться.

Мы шли по плохо очищенному от снега тротуару, в двух метрах от нас по рельсам грохотали красно-жёлтые трамваи, которые через четыре остановки делали "кругаля" у парка культуры и отдыха, граничащего с набережной широкой и полноводной реки. Здесь на десяток километров тянулись узкие самодельные пляжи, засыпанные сегодня белым глубоким снегом, а летом – не протолкнёшься: на специально оборудованный горпляж без машины не доберёшься, а маршрутки ездили, кому как из водителей вздумается.

На конечной остановке трамвая, почти всегда у диспетчерской будки, стояли "Жигули", похоже, они когда-то имели цвет кофе с молоком. За рулём сидел военный с мужественным лицом, в окно кабины был виден погон с большой звёздочкой. Стоя у машины, Катя махала мне рукой, открывала дверцу и буквально падала на заднее сиденье, кричала:

– До завтра, Саня!

Я провожал девушку взглядом до самого поворота дороги к гарнизону, тоже махал рукой и шёл на остановку трамвая. Четыре посадки пассажиров в вагон, небольшой путь, но я многое успевал передумать за это время. Главное, о чём я думал в первые минуты прощания: о любви к Кате, хотя не знал, что это такое и старался не произносить это слово вслух. До нашего прощального школьного звонка ещё далековато, но мы можем летом поступить в колледж, а там уже никто не запретит нам быть вместе. Я почему-то заранее знал, всё будет хорошо: она тоже любит меня.

Потом я думал о том, как быстро мы забыли дедушку Колю: прошло не так много времени, а о нём уже никто не вспоминает. Только Дашка иногда подходит к столу отца и берёт в руки небольшую деревянную рамочку, в которую тот вставил старую фотографию деда, одетого в альпинистскую штормовку, с ледорубом в руках. Внизу надпись: "Хибины, пик Юмбечорр, апрель 1969г." Дед здесь молодой, заканчивал институт, ещё не был женат на бабе Тане. Дашка целует фото, что-то шепчет, типа: "Дедуля, любименький мой..." Я тоже часто смотрю на это фото, но мне больше нравится другое, где двое улыбающихся людей стоят, обнявшись, на фоне пушки военного корабля, а по белому полю внизу ручкой написано: "Камчатка. Премьер-министр и я. Май 1991г." Этот снимок я выпросил у бабы Тани, когда мы приезжали к ней на новогодние каникулы. Она отдала мне и шкатулку с бейджиками об аккредитации деда в десяти странах мира, где проходили фестивали молодёжи. И его фото с Фиделем Кастро в Гаване, на котором написано размашисто по – испански, типа того, что они никогда не забудут такого мужественного *comandante*, каким был Николас, и спасибо ему, от имени кубинского народа...

Сидя на пластмассовом кресле в трамвае, я вспоминал, как чуть до развода не дошло дело у папы с мамой и как она буквально вытолкала его в аэропорт для подписания документов в столице. Он вернулся через два дня, от него пахло коньяком, сказал мне грустным голосом:

– Не прав я, сынок, нельзя допускать, чтобы так нами командовали, не надо было визировать мне компромиссный вариант с акциями... Пусть бы шло так, как задумал дед: к шестидесятилетию на твоём счёте лежало бы уже около пятисот миллионов, так сказал Бобо Константинович, а он знает, что говорит. Тогда можно обсуждать любой вариант нашей жизни. Отправил бы я тебя учиться за границу, хоть в Кембридж...

– Пап, а на фига мне, Кембридж! – сказал я, – мне и здесь хорошо. Вы с мамой, Дашка, друзья и Катя – тоже здесь, а без неё я никуда не собираюсь уезжать.

– Я понимаю тебя, сын, – рассуждал отец, – мы все, мужчины нашего рода, однолюбы. Но вам-то с девушкой ещё рано задумываться, школу надо, по крайней мере, закончить...

– Мы в колледж поступим, а там даже жениться можно...

– Так ты меня и дедом сделаешь досрочно? А Катя-то согласна? Впрочем, не слушай мой бред, выпивши я, а это нехорошо делать при детях. Я рад одному: появились деньги, стало, что терять, значит, и мама забудет о вине, чтобы не потерять всё... Ничего, что я говорю с тобой про это?

– Нормально, пап. Терять семью никому нельзя, а уж тем более, маме. Она работает и у неё уже хорошо получается...

Зимой, на каникулах, отец с мамой ездили к бабе Тане, прихватив меня с Дашкой. За две недели они сумели оформить покупку дачного участка: на берегу реки два жилых строения в триста квадратных метров со всеми удобствами да земли двадцать соток.

– А ты знаешь, что там – самая дорогая земля, дороже дома? – говорил он мне, один на один, по возвращении, – это наше самое удачное вложение...

– Пап, это, значит, нам предстоит переезд? Но я – не готов! Я не могу оставить Катю. Я против...

– Подожди, сын, мы же всё это обсудили: нам надо, не выписываясь от бабы Тани, жить рядом с ней, работать и учиться будем в столице... Я не понимаю, что опять с тобой творится? А если бы Катя завтра поехала с отцом на новое место его службы? Ты что поехал бы за ней? Или бы она осталась у нас, в семье? Нет, так нельзя, пока так нельзя ставить вопрос. Будете писать друг другу письма, на каникулы она прилетит к нам со своей мамой, оплатим гостиницу, поводишь их по музеям, театрам, выставкам... Ты что, маленький мой?! А если бы я отправил тебя в частную школу в Англию, как предлагал Бобо? А ведь я думал об этом и тогда бы вы точно виделись только на летних каникулах. Но, вдумайся, как стремительно взлетели бы перспективы твоей жизни, образования, возможности закончить самые престижные университеты мира? Но я, понимая твоё состояние, согласился: никакой заграницы, ты будешь с нами и сможешь видеть Катю после каждой учебной четверти. Но переезжать мы будем, мы семья, и баба Таня хочет чаще видеть тебя с Дашей...

Я тогда не стал говорить отцу: не надо прикрываться именем бабушки, после смерти деда Коли я просился переехать к ней жить, хотя бы временно. И что? Как отреагировала мамочка? А папочка её поддержал, а ведь мог просто оставить меня у бабы Тани, как бы забыть с последующим переводом в школу, кстати, по моему настоящему месту жительства. Но я знаю, насколько для отца – это болезненный вопрос, поэтому не стал ничего говорить. Я давно уже не видел любви и ласки между отцом и бабой Таней, что-то нехорошее творится у них в душах, не могут то ли обиду друг другу простить, то ли мама наша стоит у них посередине, но знаю, что отец не прав. Это ведь мама, единственная, только твоя.

С моей остановки трамвая до дома я добирался быстро, шёл знакомыми переулками, вдыхая полной грудью весенний, уже тёплый и влажный воздух, предвестник пробуждения, новой жизни. Я говорил себе: "Ничего, Санёк, мы ещё поборемся... Да и Катя – моя. А впереди у нас – целая жизнь".

Глава-10.

Марсель (среди своих, Марс) упился водкой и мне пришлось выводить его на улицу. Представитель консульства предупреждал ребят из общаги университета, где прописали Марса, что у того какое-то генетическое несоответствие с "раша водкой". Ну, не пей тогда, как лошадь, какие проблемы? А то мутят воду: самая пьющая, но не пьянеющая нация, французская культура питания... Да чистойшую, как слеза, водочку от "Кристалла", на дармовщину пьют

и финны на пару со шведами, и якобы профи, а на самом деле, дурные в подпитии англичане, и даже суетливые японцы.

"Не пьянеющая нация..." – чертыхаясь, я крепко держал за поясницу Марса. Хорошо, спасал мой рост в 180 сантиметров да сильные руки теннисиста – почти профессионала. Чуть позже, когда уже прошли пост охраны и раздалось негромкое журчание воды в фонтанах, злость ушла, подумал: "На кой чёрт, льют без толку воду? Ведь скоро зима... Всё у нас, как в шарашкиной конторе". Посмотрел на француза, он начал мёрзнуть, мелко дрожать: пальто-пиджак – выше задницы, перчаток нет, вельветовые брюки в дудочку не закрывают голые лодыжки ног. Вот, бедолага, ещё повезло, что кроссовки – утеплённые, с массивной толстой подошвой. Присели на гранитный бордюр фонтана, я сказал по-французски:

– Дыши, Марсель, хорошо дыши. Сейчас пройдем круг по скверу, проветримся и тогда – домой. А пока посиди минутку, не падай, мне надо позвонить...

Набрал домашний телефон бабы Тани, она стала плохо слышать, долго не снимала трубку, хотя громкость я лично ставил на всю катушку. Наконец, раздался почти металлический, похожий на устаревшего робота, голос:

– Алло, вас слушают.

– Ба, это я... Александр, как официально ты зовёшь меня по телефону... Тут такое дело: сегодня меня не жди на ночь, французы устроили вечер знакомств, официальный переводчик ушёл, остался я один с языком, просто беда, все говорят или по-русски, или по-английски. И никто по-ихнему...

– Не шути так, Саша, ты – студент лучшего в стране университета, это ко многому обязывает...

– Да я шутю... Знаю-знаю, не обижайся, ба, утром позвоню, скажу, когда приеду... Будет скучно или вдруг что-то, не дай бог, не так, набирай мобильник, у меня всегда включён.

– Я приготовила борщ, домашние котлеты... – упорно продолжала монолог бабушка, будто, не слыша меня.

– Ба! Пощади, есть хочу, как из пушки, котлет хочу и борща!

– И, пожалуйста, не выпивай! Твой нервный срыв может повториться, даже с безобидной рюмки, тогда ты не сможешь управлять эмоциями, сынок...

Я понимаю корректную в выражениях бабушку, но она-то волнуется, видимо, не зря: за пять последних лет мама дважды лежала в клинике. И только нам известно, что это – уже край, которому предшествовали недели, а то и месяцы "пития". Я-то привык ко всему, выкручивался, как мог. А каково было Дашке: последний раз отец положил мать в "богодельню" при монастыре, когда дочери исполнилось десять лет. Я не раз говорил ему: "Давай, пока ты возишься с мамой, мы переедем к бабе Тане". "Ну, что ты, сынок, она старосоветская, не поймёт, да и здоровье у неё не то", – думал, она не знает о нашей беде. Знала баба Таня да и дед Николай, наверное, знал, но молчали, боялись обидеть нас, надеялись, что семья справится общими силами. Не справилась...

– Да-да, я всё помню, ба. Целую тебя и спасибо, за заботу...

Она всегда первая кладёт трубку, так ей легче простаться со мной, когда остаётся одна в старой, уже обветшалой квартире, хотя я регулярно, раз в квартал, заказываю службу, появляются сноровистые тётки и буквально вылизывают все комнаты и кухню, кроме кабинета деда Коли. Это святое место, пыль вытирает сама хозяйка, иногда столетним пылесосом "Урал" я чищу ковёр и прикроватные коврики. Так уж получилось, что именно к бабушке Тане пять лет назад из столичной частной клиники, где я провалялся пару месяцев, привёз меня отец. И все годы до поступления в университет я жил с ней, учился в соседней с нами языковой (французский – английский) школе, ходил в секцию тенниса при ЖЭКе, которую вёл никому ныне ненужный легендарный чемпион союза. Вечерами мы с ребятами подрабатывали в экс-

курсионном бюро на Красной площади, водили группы туристов, получали почасовую оплату. В общем, жить было можно.

А моя семья все эти годы живёт в Подмосковье, мама не работает, отец так и не стал писателем: его не издают, он нервничал, потом привык, перестал появляться на людях, завёл в инете пару сайтов, куда пишут домохозяйки и пенсионеры, просят "подправить" их новеллы про кошек и собачек, а также свои воспоминания, на замену обещают читать его произведения в семьях. С усадьбой, как мама любит называть наш дом с участком земли, страшно не повезло: агентство недвижимости на стадии оформления документов попало в сводки органов полиции, и вот невероятно долго мы судимся с объявившимися вдруг родственниками внезапно умершего хозяина. Хорошо, вмешался Бобо Константинович, подключил своих волкодавов из юркоманды, те сумели вырвать коттедж и четырнадцать соток земли из двадцати, заявленных тогда на продажу. Мы отгородились от всплывших вдруг соседей высоченным забором, но я видел, с какой космической скоростью те начали строить "клоповник" для сдачи жилья на летний сезон. Представляю, что ждёт нас впереди...

После дрызг с жильём и переезда в новый дом, на что ушла половина денег, отец потерял контроль над акциями. Таковы были условия соглашения, которые он подписал. Но, наконец-то, этим летом мне исполнилось восемнадцать, мы встретились с Бобо в том же кафе, что и с отцом когда-то, но уже только вдвоём. В двух словах, расскажу о главном: он написал в электронной книжке цифру 2,5 и уточнил, помедлив, "млн. \$", улыбнулся, давая возможность перевести сумму в рубли. Предложил положить деньги в швейцарский банк и жить на проценты, заверил, этого хватит и на содержание семьи, и бабы Тани, и на учёбу. Второе: не трогать акции, их рост в ближайшее время будет фантастический, можно увеличить капитал вдвое, если не больше (заработает шельф северных морей). Но тогда придётся жить поскромнее, научиться крутиться, но, заверил он, тогда точно познаешь все прелести студенческой жизни. Я сделал выбор в пользу семьи: деньги были нужны не только на моё образование, хотя я вполне проходил, как бюджетник. Подрастала Даша, в деньгах нуждался отец и особенно – большая мама.

– Алекс, я замёрз, – лязгая зубами сказал француз, – мы можем перестать сидеть, надо ходить. О чём всё думаешь?

– Марсель, ты обманул нас или представитель консульства наврал? – ответил я, удивившись, как хорошо стал говорить по-русски наш уважаемый гость. Кстати, один из наследников крупнейшей парфюмерной компании, вдруг решивший получить юридическое образование в нашей стране. У его семьи – представительство фирмы в столице, оно обслуживает все страны бывшего СССР.

– Нет-нет... Ты понял моё произношение?

– Говорят: ты слышишь моё произношение. Кстати, мы можем говорить на французском.

– Мне плохо-хо-хо... Я лучше молчу. Но скажу: в ту неделю мы едем в офис, я представлю управляющего, родственника, пусть имеет на тебя виды... Всё потом объясню. Сейчас идти спать...

– Идём. Обнимать тебя больше не буду, у охранников – соберись, надо прошагать мимо них без сучка и задоринки...

– Отличная фраза, надо понять смысл и запомнить!

Мы пошли вдоль зелёных кустов сирени, сверкающих от мелкого морозящего дождя, вдруг посыпавшегося с неба. Аллея, освещённая подсветкой и сохранившая летнюю свежесть листьев, вела к главному входу в общежитие с двухместными жилыми блоками для студентов: туалет, душ, кухонька. Пока я за крохотным столом для тостов и чайника готовил две чашки кофе, Марс не только успел раздеться, сбросив одежду на пол, но и уснуть сном праведника. Перешагнув кучу дорогих тряпок, сел за письменный стол, стал размышлять: таблетку для сна принимать страшно, за эти годы столько их выпито, что бедная печень, наверное,

скоро будет пищать. Два-три глотка виски давно выветрились, в холодильнике стояла начатая бутылка коньяка, но я помнил о маме, нашем семейном дамочковом мече.

Включил настольную лампу, открыл книгу. От чтения становится легче: через час-полтора по времени я засыпаю, иногда сплю до утра. Но почти каждую ночь ко мне приходит Катя... Я уже не различаю с прежней чёткостью черты её лица, хотя слышу голос, вопросы, которые она задаёт, чувствую, как молчит, ожидая ответа. Катя погибла у меня на глазах.

Весной в речном затоне у парка дольше всего держится лёд: нет движения воды. А на довольно крутом спуске к реке с поздней осени намывают ледяную горку длиной метров сто, на ней катаются на "ватрушках" не только дети, но и взрослые с удовольствием дурачатся вечерами, хотя освещения, как такового, там нет. Мальчишки знают: в начале апреля по затону проходит тяжёлый буксир ледокольного класса, который буквально взламывает ледяной панцирь. Делает он проход почему-то ночью, правда, тогда служба парка вывешивает объявление о полынье, иногда обносит склон и ледяную горку верёвкой с полосатыми флажками.

В тот день два последних урока отменили: учитель Венямин Борисович прямо на физре сломал ногу. Завуч не стала рассовывать класс по другим учителям, отпустила домой. Мы с Катей надели куртки, я взял рюкзаки и повёл её, как обычно, к парку, на конечную остановку трамвая. В запасе у нас оказалась куча времени, больше часа до приезда кого-то из её родителей на "Жигулях". Мы обошли трамвайный круг, аллея вела к реке, на склоне, под нами, искрилась на солнце ледяная гора. Слева – высоченные сосны с подлеском, справа – частые кусты орешника, куда в конце лета приходят за орехами многие горожане. По середине – двухметровый по ширине намытый ровной водой спуск, ведущий в заросший сугробами затон. Из-за подлеска и кустов практически нельзя было разглядеть полынью от буксира, которая разрывала ледяную гору в самом её конце.

Катя дурачилась на небольшом деревянном настиле, попросив поснимать её на телефон, выбрала небольшую картонку, одну из многих, которые складывали у кустов, разбежалась и с криком: "Догоняй! Слабо!" – понеслась по ледяной поверхности склона. Я убрал телефон, схватил первую попавшуюся коробку, сложенную по швам, и тоже поехал за ней, правда, на животе. Несколько раз поднимал голову, видел её полусогнутую спину, чувствовал, догнать уже не смогу, упустил время. Последний раз посмотрел вперёд и не увидел Катю. Раскатанная поверхность горы стремительно несла меня в покрытую ключьями белого тумана полынью. В голове билась одна мысль: "Где Катя? Почему её нет?"

На полной скорости врезался в небольшой бруствер из мокрого снега и раскрошенного речного льда, как-то боком перелетел его и свалился в воду. Надутая куртка держала меня на поверхности, начал крутиться вокруг своей оси, но так и не увидел девочку. Подумал: Катя, видимо, ударилась о речной лёд, наверное, потеряла сознание, куртка – матерчатая, сразу потянула её ко дну. Я стал расстёгивать куртку, пластмассовый хомутик не поддавался, тогда собрал силы и дёрнул за верхние края молнии. Она раскрылась, поролон буквально вытолкнула меня из куртки. Начал нырять, всё сильнее чувствуя, как миллионы игл впиваются в тело, ноги почти не слушались, не хотели шевелиться, начали тянуть вниз. Я решил отплыть от ледяной кромки, поискать Катю в воде на чистом пространстве. Нырнуть на глубину получилось всего два раза, в какой-то металлической с серебристым оттенком воде я не увидел её. Понял: ещё пару минут продержусь на плаву и пойду ко дну. До кромки льда я не доплыл, лишь почувствовал уходящим сознанием, что кто-то тащит меня за воротник пиджака, потом – мрак. Очнулся в "скорой помощи", увидел врача, спросил:

– Где Катя? Её спасли? – я боялся узнать, что она утонула.

– Скажи потом спасибо лыжнику, – почти крикнул доктор, перекрывая шум мотора, – он вовремя заметил тебя и вытащил в последнюю минуту твоей жизни... Ты о Кате спросил? – вдруг спохватился мужчина в синей форменной куртке и такой же по цвету шапочке, – а кто

это? Ты один был в полынье? Нет!?! – он постучал в кабину водителя, – стой, срочно свяжись с базой, МЧС, полицией! Там ещё и девочка была, видимо, его одноклассница.

Катю вытащили водолазы через несколько часов после моего спасения. Как потом рассказал отец, она разбила голову о торосы, угодила под большую льдину, а глубина здесь доходит до семи метров. Как можно было её спасти? Рассудком я всё понимал, врачи обстоятельно внушали мне, что моей вины в её гибели нет. Но ведь я любил Катю и этим всё сказано. Сейчас модно говорить: наблюдался у невролога. Про себя скажу прямо: попал в "дурдом", через несколько недель в тяжёлом состоянии отец перевёз меня в частную клинику. По всем бумагам – я чист, никаких психических отклонений, лишь стресс, переутомление, нарушение сна. Лечение успешное, никаких последствий, а, на самом деле, до сих пор не могу спать и разговариваю с Катей. Но баба Таня сказала:

– Время лечит, сынок. И эта первая любовь пройдёт, помучает и успокоится. Будем прощать у девушки отпустить тебя, ведь впереди ещё целая жизнь...

Часть 2

Глава – 1.

Баба Таня уходила из жизни тяжело, в страданиях, это все понимали и, в первую очередь, она сама: онкология не отпускала её, хотя доктор в больнице недоумевал по поводу того, что в таком возрасте старики, как правило, прогоняют болезнь, порой, на 10-15 лет даже забывают о ней. А я был благодарен отцу, он на время оставил дела и перебрался к нам, жил в кабинете деда Коли, куда я заходил с разрешения бабушки. У меня было тяжёлое время: чтобы поскорее выпустить специалистов для создаваемого следственного комитета, нам разрешили сдавать госэкзамены по ускоренной программе. Не секрет: курс у нас серьёзный, многие ребята отслужили в армии, прошли горячие точки, так что никто не сомневался в их готовности пополнить, как у нас шутили, ФБР местного разлива. Мы знали и несколько кандидатов, отобранных для службы в ФСБ, но они шли на дальнейшую учёбу без болтовни и лишнего шума. И было, кстати, немало, особенно провинциалов, настолько цепких по жизни, которым не больно-то хотелось одевать полицейскую форму, искали места в фирмах, адвокатских конторах, чтобы сразу получать хорошие деньги, снимать жильё и кадрить женщин с пропиской.

Утром я забежал в комнату бабы Тани, сел на стул у кровати, взял её жёлтую, невесомую руку, сказал:

– Ну, что, филолог, благодаря тебе я лучше и грамотнее всех заполнил запросы в органы власти... Бабуль, ты, наверное, здорово помогала деду в его чиновничьих делах?

– Боже упаси, Саша... – оживлялась она на секунду при упоминании имени деда, – он меня вообще не посвящал в свои дела. Я о его последней награде – ордене Дружбы – узнала только через год, когда мы поехали на приём в Японское посольство... Смотрю, на парадном пиджаке рядом с синеньким орденом Почёта висит новый, какого-то зеленоватого цвета орден. Он сказал, что его наградили за укрепление мира и дружбы...

– Ты не скучай без меня, ладно? У меня две консультации и сразу примчусь домой. Будем обедать... Куриного бульона ещё полкастрюли осталось, объедаловку устроим: я твои любимые ежи принесу, у нас теперь свою кулинарию открыли, прямо на выходе из столовой...

В комнату заглянул отец, ухватил концовку разговора про ежи, не мог смолчать:

– А помнишь, мама, как ты их готовила, особенно на даче? Я впервые тогда ел ежи из рыбьего фарша... Всё-таки отец у нас отличный рыбак был!

– Боже мой, мальчики мои, как я рада, что вы у меня есть. Какое счастье видеть вас в свой предсмертный... – баба Таня замолчала, склонила на подушках голову к окну, по щеке потекли слёзы, застревая в морщинках жёлто-серого цвета.

– Ма-ма, мама... – сын тоже готов был расплакаться, – пожалуйста, не говори так, пожалуйста. Давай, дадим Саше спокойно сдать госы, получить диплом... Мы вывезем тебя на дачу, ты поднимешься, мы ещё на реку будем ходить.

– Ми-лы-е мои, я счастлива... Несмотря ни на что. Я подожду уходить. Подержу в руках диплом Саши, прочитаю твою новую книжку, сынок. Дождусь поступления Даши в институт и тогда уже можно будет оставлять вас с лёгким сердцем... Пока вы оба здесь, а я в здравом уме говорю: дедушкину квартиру, Юра, я завещаю твоим детям, Саше и Даше. Дом на реке с участком – твой. Вы с женой привыкли жить на природе, в коттедже. А уж как распорядитесь жильём дальше, это ваше семейное решение будет. Ты не обиделся, сынок?

– Ну, что ты, мама, у нас большой дом, река, небольшая, правда, но пескари водятся, машина, худо-бедно, пошли мои книжки, на ТВ приняли сценарий, не уверен, что доведут дело до ума, но вдруг и мне, наконец-то, повезёт? – сына душили слёзы.

Я встал со стула, усадил его вместо себя, сказал:

– Чтой-то все рассопливились, а, бабуля? Убегаю, ждите меня к обеду. Пап, телефоны скорой для укола – на столике, в прихожей, если что, звони, постройте с ними, а то они к больным пенсионерам не очень торопятся... Всё, целую, пока-пока...

– Александр Юрьевич? Вы – к Бобо Константиновичу? Минутку... – высокий, элегантный молодой человек, с пучком смоляных волос, собранных на затылке, приподнялся из-за перегородки, приветливо посмотрел на меня, жестом приглашая присесть на диванчик без спинки, вдруг по-английски заговорил в микрофон, нацепленный на ухо, – минутку, да, вас ждут, включаю конференцию, по договорённости, записывается... – простите, – обратился снова ко мне, – партнёры вышли на связь совсем неожиданно, я только успел собрать членов правления... Агриппина, займись нашим акционером.

Подошла китайка со странным для неё именем Агриппина, притронулась к локтю, мило улыбаясь, повела в бар, что располагался справа от приёмной начальника с табличкой: "Председатель совета директоров Б.К.Доброволин". Я попросил чашку кофе, достал телефон, стал звонить отцу. Почувствовав по голосу, что он в панике, сказал:

– Ну, что ты раскис, пап! Да у меня бабуля сто раз улетала, делали укол, а то и два, и она возвращалась... Это период обострения, всё пройдёт... Как увозят?! В онкоцентр? Отец, это окончательное решение? Езжай туда! Я шас же приеду... – он что-то пытался говорить об экзаменах, но я сказал, что всё остальное – ничто сейчас, надо вытаскивать бабулю.

К моему столику подошёл Бобо. Он постарел... Нет, так нельзя говорить о восточном человеке: он возмужал, заматерел настолько, что стал похож на типичного абрека с картин классиков живописи. Обнял меня, прислонился небритой щекой к лицу, сказал:

– Спасибо, что ты приехал... Мы вылетаем к ночи. В Мурманске умер председатель совета директоров нашей крупной компании. Саша, совету я предложил твою кандидатуру, на замещение, ибо уверен в тебе, как в самом себе.

– А баба Таня? Я звонил отцу, скорая отправляет её в онкоцентр...

– Минутку, потерпи... Агриппина, найди Чеснокова, – сказал он девушке, продолжавшей стоять на некотором расстоянии от нас, – сколько Татьяне Васильевне? Семьдесят четыре? Мы всё сделаем для неё, – говорил он, протягивая руку к телефону, – Володя, ты можешь в свою клинику принять бабушку нашего акционера? Да, ей – семьдесят четвёртый... Было обострение, пока непонятное для медиков. Она на скорой сейчас, собираются в онкоцентр её везти... Твои службы перехватят и всё сделают? Хорошо, спасибо, брат, твой должник. Обнимаю... – он вернул телефон, посмотрел на меня, – ты хороший внук, Саша. Вот только с дедом Колей мы промахнулись, не смогли уберечь его сердечко... Об экзаменах – не волнуйся, сколько тебе

осталось? Два? Вот и сдашь позже, с основным потоком. Или ты в следственном комитете собрался работать? Шучу, не обижайся.

– Бобо, я что-то не врубаюсь... – довольно резко перебил я собеседника, – какой Север, какой совет директоров? Ты же знаешь, что с бабой Таней я живу все эти годы... Она не переживёт мой отъезд.

– Ты – внук, любящий и любимый, – Бобо тоже заговорил довольно жёстко, – это хорошо. Но у неё есть сын, твой отец, он должен быть с матерью или она должна быть с ним. Все эти годы он жил за счёт нашей компании, Александр, и это нормально, дед Николай подумал и о нём. Но сейчас наступил такой час, что тебе надо строить свою жизнь, закреплять себя в роли хозяина, думать о будущем нашей компании. Там, на Севере, непростая ситуация: мы вышли на разработку шельфа, в гонке должны победить мы, а не соседи. Мы уже имеем первые результаты, гигантские. И это только в прибрежной части океана...

– Ты же говорил о крупной медиакомпании? – спросил я напрямик Бобо, – а тут речь о разработках шельфа, о нефти, газе...

Он улыбался, морщинки сбежались к его глазам, молчал, раздумывая, что мне ответить. Сказал:

– Оборот металлургического гиганта в Липецке – десятки миллиардов долларов, так? "Стинол" – холодильники, которые они выпускают, называются у них продукцией ширпотреба. Вот и наша медиакомпания – продукция ширпотреба... ха-ха-ха-хёх, – каким-то лающим голосом засмеялся Бобо, – надо чем-то себя подстраховывать, а? Я лечу с тобой, Саша, чартером, два часа с лишним в пути, успеем обо всём поговорить... Допивай кофе и заходи в мой кабинет, там руководители холдинга, коротко обсудим процедуру твоего назначения...

Наверное, я многого не понял из разговоров в кабинете Бобо, узнал лишь точно: совет директоров на Севере надо удержать за головной компанией. Меня сначала представят, как исполняющего обязанности руководителя совета, чтобы со временем утвердить на общем собрании акционеров председателем. В принципе, от меня не так много и требуется на этом посту: есть правление компании по разведке шельфа северных морей, его председатель, несколько заместителей. Главное, что дошло до меня, заключалось в следующем: всем партнёрам и заинтересованным лицам мы должны на собрании просто и ясно объяснить, что пришло время назвать истинного хозяина компании, у которого сейчас сосредоточено в руках более пятидесяти процентов акций. Всё. И вот этот молодой человек, господа хорошие, живой хозяин – Александр Юревич...

Я даже не знал, что в лесопосадке на окраине столицы есть такой медицинский центр, который обслуживается академией. Приехал я туда примерно через пару часов, как бабу Таню и отца привезли на скорой. Её осмотрели специалисты, затем помыли, переодели, сделали уколы и она уснула. Отец разместился в гостевом блоке рядом с палатой своей мамы. Когда я открыл дверь, он лежал на кровати поверх одеяла и плакал. Неприятная картина, мне было страшно жалко его, но я не стал успокаивать, прижимать рано поседевшую голову отца к груди, а довольно твёрдо сказал:

– Пап, успокойся. Я не звонил тебе, не тревожил и не вызывал по ночам, когда у бабы Тани были обострения и жуткие боли. Искал выход, иногда мне помогал Бобо Константинович, присылал медика из частной клиники, бабушке вводили обезболивающие и мы продолжали тихо – мирно жить... Ты же знаешь: чему быть, того не миновать. Но лечащий врач мне сказал, что болезнь может уснуть, только не надо провоцировать её, люди в старости десятков и больше лет живут в таком состоянии. Я знаю, что Бобо определил её в лучшую клинику, деньги на лечение – есть, это я тебе гарантирую. А мне сегодня ночью надо лететь на Север, принимать компанию по разведке полезных ископаемых, там скончался председатель совета

директоров... Сотни людей, буровые суда, вспомогательный флот, базы по всему побережью океана... И вот контрольный пакет акций – теперь у меня. Понимаешь, пап? Это наше будущее, моя жизнь, которую завещал дедушка Коля.

– Боже мой, боже... – забормотал отец, – что я буду без тебя делать, сын?

– Жить, пап, вдвоём с твоей мамой, в знакомой квартире, помогать ей, ухаживать... Да полно, если встанет на ноги, а бабуля всё сделает, чтобы это случилось, то ещё будет за тобой ухаживать. Дашку притащи сюда, пусть в мою школу переведётся, лучшая языковая, не хило закончить такую, а? И будет всем вам счастье, – я улыбался, что нельзя было сказать об отце.

Мне был неприятен разговор в подобном тоне, но я специально допустил такую фамильярность. "Так раскисать, струсить перед болезнью, – думал я, обвиняя отца в безволии, правда, злости на него не было, я знал, как он любит свою маму, – и в то же время – за последний год они вдвоём с моей матерью только раз зашли к бабе Тане, через два дня после её дня рождения". Я перестал с ними разговаривать, повод для молчания был хорошим: готовлюсь к экзаменам, не до бирюлек. Думаю, отец понял причину такого охлаждения к нему, мучился, но боялся заговорить первым, объясниться. Да и что он мог сказать? Что у него кончаются деньги, которые мы когда-то, после разговора с Бобо Константиновичем, поделили поровну? Что ему скоро не на что будет жить, кормить-учить Дашку, обслуживать нашу маму с её закидонами? Что надо, наконец, принимать мужские решения? Я говорил ему о немецком банке, в который компания определила мою половину денег, только с процентов по вкладу мне с бабушкой хватало на приличную жизнь. Он никого не хотел слушать... Но это – его проблемы, взрослого человека, отца семейства.

Вышел из гостевого блока, попал в царство полутеней и полутонов: на большущей синей-белой кровати лежала маленькая старушка, прикрепленная к капельнице, над её головой стрекотал аппарат, белая лента кабеля уходила за двери, в дежурный медблок. Баба Таня спала, я улыбнулся: хороший знак. Сколько раз за годы нашей совместной жизни мне приходилось вот так наклоняться к её постели, слушать дыхание и ощущать такую сильную любовь к ней, что щемило сердце. А утром она говорила:

– Плоховато сегодня спала, слышала, как ты ходил по квартире... Не пей много воды на ночь, пожалей мочевой пузырь, Саша.

– Поправлял одеяло на твоей кровати... – я улыбался ей.

– Ой, выдумщик, ой, не выдумывай! – смеялась тихонечко бабушка, – да я бы тебя за километр почувствовала...

Я подошёл к подушкам, посмотрел на жёлтое с восковым отливом лицо бабы Тани, не удержался, погладил её высокий лоб, поцеловал в висок и резко направился к выходу. В дверях стоял отец, он, конечно, видел моё прощание с бабушкой. Молчал, как-то жалко смотрел на меня. Я сказал:

– Позвоню, как долетим. Держи мобильник при себе... – неловко, вскользь прижал отца к плечу и буквально выбежал из палаты.

В самолёте было с десятков мест: два удобных глубоких кресла перед журнальным столиком, на противоположном борту – шесть мест для пассажиров. Бобо сел в кресло по ходу полёта, напротив себя посадил первого замминистра, предварительно познакомив меня с ним. С председателем правления холдинга, хозяином расчётного банка, владельцем зарубежных компаний и телохранителем он познакомил меня в своём кабинете. Ужасно красивая стюардесса принесла вина, красного французского, уже разлитого по фужерам, много конфет, зефира и других сладостей, почти полную коробку маленьких орешков, видимо, они нравились Бобо. Он поднял фужер, приглашая нас выпить за взлёт и посадку, пригубил вино и стал есть орехи. Я отдал фужер стюардессе, достал планшет, начал читать Гавальду. Вспомнил Марсея,

его первую попойку с нами, русскими, на первом курсе университета. Он всё-таки познакомил меня со своим родственником в представительстве парфюмерной компании, но дело дальше знакомства не пошло: тому нужен был не только менеджер, но и любовник. Я сказал Марселю, что за такие подставы у нас бьют морду. Он не сразу понял, на что я обиделся: "Ну, послал бы его! Или дал по уху... Делов-то. Но уволить я его пока не могу... Кстати, он сын моей тётушки, ха-ха-ххии, – он смеялся искренне и от души, – какие у вас тут строгие правила!" Я подумал в сердцах: "Что с них возьмёшь – французы..."

– Саша, присядь ко мне, – услышал голос Бобо Константиновича. Рядом с ним никого не было, самолёт больше часа был в полёте, многие – дремали в креслах. Сел ещё в теплое кресло, смотрю на шефа, его коричневые с чёрными крапинками глаза смеются, услышал сквозь гул мотора, – с крещением тебя, со вступлением в нашу семью... То, что вина не стал пить, молодец, но демонстрации устраивать не стоит, надо уметь делать вид, что ты – спец во всём...

– Водки бы я выпил, вина – не хочу...

– Хорошо, твоя воля, – Бобо поднял палец, стюардесса вынесла длинную тонкую рюмку водки, – сосредоточься, сейчас я скажу главное. Мы с тобой вдвоём летаем первый и последний раз, нам нельзя погибать одновременно. Ты стал моим официальным партнёром и преемником, у нас с тобой на двоих пятьдесят процентов акций плюс одна акция. Я ждал так долго, больше десяти лет, чтобы сказать тебе об этом. Весь мой бизнес с твоим приходом стал абсолютно легальным. И никому теперь дела нет, как он создавался. Ты понимаешь меня, Саша? – я молчал, практически ничего не понимая в хитросплетениях русского сермяжного бизнеса, – ладно, в этом мы, не спеша, с тобой разберёмся. Сейчас второе хочу тебе сказать. Неприятное. Страшное. Мы захоронили пустой гроб якобы с телом здешнего председателя совета директоров. Мы не смогли найти его на платформе, куда он вылетал с инспекцией. Видимо, его смыло волной. А море – плюс три-четыре градуса и там найти человека нереально... Для всех – он умер в вертолёте, сердечная недостаточность. Но ты – должен знать всё. У него было два недостатка: он был чудовищно жаден до денег и много пил, грязно и запойно. Но он – ас в работе на шельфе, специалист – от бога. Мы с тобой полетим на буровую разными вертолётами, может, узнаем, как всё было. Но, скорее всего, ничего не узнаем, – он глотнул вина, пододвинул мне коробку с орехами. Я взял пару зёрен, да, это были кедровые орешки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.